Чума на оба ваши дома

(Рассвет forever!)

Часть первая

«31-е»

-Ничего не понимаю! Сегодня что, уже тридцать первое? И как я этого не заметил?

Папа замер в прихожей, растерянно разглядывая мою парадную, гладко выглаженную рубашку. Застегнутая на одну пуговицу она висела на плечиках поверх вороха плащей и курток. Под рубашкой угадывались не менее отутюженные школьные брюки, а с полу «слепили глаза» до блеска начищенные ботинки. Тоже мои. Все вместе - дресс-код грядущего «Дня знаний» или попросту первого сентября. Ах да, еще прилагался темно-синий в серебристую полоску галстук. Когда пришел папа, я как раз вертел его в руках, пытаюсь завязать мудреным узлом «Виндзор» согласно добытой в Интернете инструкции.

-Точно тридцать первое? – на всякий случай уточнил папа, огорошенный приметам наступающей осени. Он только-только вернулся работы, и его голова, кажется, еще не успела переключиться с производственных забот на домашние.

-Что тебя, собственно, смущает? – отозвалась с закрытой кухни мама.

У моей мамы замечательный профессиональный слух – она всегда слышит все звуки-шорохи в нашей квартире. Даже если сама при этом говорит по телефону или смотрит телевизор. С одной стороны – здорово, а с другой - слова лишнего не скажи!

-Если тридцать первое, то у меня сегодня бухгалтер должен был из отпуска вернуться, - неуверенно пробормотал папа.

-Может его арестовали? – спросил я. – За экономические преступления.

-Типун тебе на язык!

Папа опустил на низенький табурет, скрестил поджатые под собой ноги в носках и задумчиво подпер кулаком подбородок. Ему бы еще чалму из полотенца на голову накрутить и - вылитый восточный мудрец.

-Бухгалтер сбежал? – рассмеялась всеслышающая мама. – С казенными деньгами сбежал? С кассой? Я о таком только в пьесах Островского читала!..

Моя мама – театральная актриса, поэтому все происходящее в реальности постоянно напоминает ей сцены из каких-нибудь комедий, трагедий, драм и водевилей. При желании к любой жизненной ситуации она найдет подходящую цитату из Шекспира, Чехова или того же Островского А.Н.

-...Помните в «Бесприданнице»? Секундочку! Сейчас процитирую... *«Потом вдруг появился этот кассир... Вот бросал деньгами-то, так и засыпал Хариту Игнатьевну. Да недолго покуражился: у них в доме его и арестовали...»*

-Стоп! Прекратили балаган! – недовольным тоном воскликнул папа. – Никакой кассир у меня не сбежал! Понятно? За собой следите! Что у вас там, в кашеварне происходит? Извержение вулкана? Горим? Не горим?

Это он так спросил, потому что, цитируя «Бесприданницу», мама слегка приоткрыла кухонную дверь, и этого «слегка» хватило, чтобы в коридор, а затем в прихожую просочилась подозрительная серая дымка. И вообще, с недавних пор у мамы на кухне что-то шло не по плану, хотя пахло, надо признаться, загадочно, даже аппетитно.

-Нет, не горим! – обиженно огрызнулась мама и захлопнула дверь, из-за которой жестко, даже властно добавила: - Все под контролем! «Извержение вулкана», видите ли!

Идите, занимайтесь своими делами! Ищите своего беглого бухгалтера или мусор выбросите!

Папа вопросительно посмотрел на меня: «Ужин готовится?»

-Радужная форель, - доложил я.

-А! Очередной шедевр кулинарного искусства?

-Я все слышу! – угрожающе раздалось из кухни.

-*У мартеновских печей не смыкала наша Родина очей...* - ехидно, но на всякий случай, понизив голос, пропел папа.

Естественно, мама такую издевку мимо ушей не пропустила.

-Еще одно слово!.. – крикнула она.

-Молчу-молчу, - отмахнулся папа и поспешил сменить тему.

-Значит, каникулам конец? – сочувствующе посмотрел он на меня. - «*Вот и лето прошло*»? Бежит времечко! Как там поется в одной известной песне: «*Ах, как годы летят, Мы грустим, седину замечая...*» Да?

-Не знаю такой известной песни, - честно ответил я.

Обстановка накаляется

Нет, ну, правда, по тому, как поет папа, определить исполняемое им вокальное произведение весьма трудно. Что-то очень популярное по тексту распознать получается, а остальное не очень. Голос у папы красивый, но слух, тот который музыкальный, сильно подкачал. Уж наступил человеку медведь на ухо, так наступил. Как говорится, с разбегу и от души.

И все же, несмотря на такое дело, петь папа ничуть не стесняется. Перед любой, даже самой требовательной публикой.

-Нужно быть всегда уверенным в себе, не комплексовать, - любит повторять он. А если слушатели – это в основном мы с мамой – начинают в ходе его выступления недовольно морщиться и ковырять пальцем в ухе, категорично заявляет:

-Главное, мне от моего пения легко на сердце, потому что «*нам песня строить и жить помогает*». Тот же, кому не нравится мой вокал, может покинуть концертный зал!

После чего, как правило, задает свой традиционный вопрос:

-Кстати, товарищи, кто знает, где у нас микрофон? Давненько мы не пели караоке!

Насчет «уверенности в себе» я никогда с ним не спорю, а о том, что микрофон «коварная» мама запрятала в недрах комода, молчу как партизан на допросе.

-Откуда тебе! – прокомментировал папа мое заявление о том, что композиция «*Ах, как годы летят...* (и что-то про седину)» знакома далеко не каждому. Потом повернулся к зеркалу и, закусив нижнюю губу, стал рассматривать свои волосы – наверное, искать эту самую седину. Да разве она у него есть? Сплошь черные, как вороное крыло, кудри. Не то, что у меня: невразумительная гадость на голове произрастает - солома жуткой расцветки! Говорят, в маму. Только предприимчивая мама уже сто раз перекрасилась. Ей это не проблема.

«Нет у тебя никакой седины, молодой ты еще», - пожалев папу, подумал я и даже открыл рот, чтобы ему об этом сказать, но... промолчал.

Мне сегодня вообще не хотелось ни с кем общаться. Ни с кем и ни о чем. В том числе с родителями. Настроения не было. Точнее, оно – настроение - было отвратительнейшим: тридцать первое августа, сами понимаете.

-...Разве ты хоть одну хорошую песню знаешь?..

А вот папа, в отличие от меня, никого, похоже, жалеть не собирался. Как и откладывать в долгий ящик мое «культурное» воспитание:

-...Вы же вместо того чтобы нормальную музыку слушать, постоянно какую-то фигню друг другу с телефона на телефон перекидываете!..

Обстановка накалялась. Видимо начало сказываться «бегство» бухгалтера.

-Ну? Что вы сейчас слушаете? – в моем лице папа, похоже, решил поговорить сразу со всем подрастающим поколением и сразу завелся. – Реп дурацкий? Или что? Что ты молчишь? Ответь что-нибудь! Ага, я знаю, о чем ты думаешь! Ты думаешь: «Сейчас папа проорется и уймется», да?!

Черт, терпеть не могу, когда взрослые уверены в том, что знают, о чем я думаю!

-По какому поводу крики? – из кухни показалась мамина голова – волосы растрепанные, глаза красные, сошуренные. – Без криков обойтись нельзя? Мне, может, тоже очень хочется покричать. И именно сейчас!

Здесь аромат горячей пищи заставил голодного папу проявить мудрость и отложить воспитательные беседы на более поздний срок. Он растерянно, словно опомнившись, улыбнулся, примирительно потрепал меня по моей «солومه» и беззвучно, одними губами произнес: «Прости, сын».

Вот так всегда: ему на меня «собак спустить» раз плюнуть: «О! У! Не там стоишь! Не так сопишь!» Запросто может на пустом месте выплеснуть эмоции – пар выпустить, а потом, через секунду – бац! - взять и извиться. Типа: «Все нормально, ребята, не обращайтесь внимания. Нервишки шалят, чертовски устал на работе». Видали? А если я подобный фортель с «нервишками» выкину, что будет? Будет следующее: «Рома, твои выходки порядком надоели! Твои детско-подростковые капризы у нас поперек горла! Почти четырнадцать лет человеку! Пора становиться взрослым...» Да уж! действительно, пора. Потому что подобного к себе отношения ни одна детская нервная система не выдержит.

-Ладно, пусть будет тридцать первое, - сказал папа, еще раз бросив взгляд на мою рубашку.

«Вот-вот, всё-то вам «ладно», все – ерунда. Даже тридцать первое августа! - подумал я и, повесив на плечо замученный галстук, отправился в свою комнату.

Тридцать первое августа и начало Новой эры

Тридцать первое августа, это – грецкий орех. По-французски – noix. «Но». Хотя может и «нуа». Точно не знаю, я только-только начал учить французский. Самостоятельно. У нас в школе английский преподают, а мне еще французский знать хочется. Ну, да ладно, как говорит папа.

Итак: тридцать первое августа, это – грецкий орех. Согласно французскому революционному календарю. Двадцать восьмое августа – «пастекь» - то есть арбуз, девятое августа – «фенуй» – укроп, тридцатое - «эпин винэт» - барбарис, а тридцать первое как раз оно - «нуа-но». Грецкий орех.

Во французском революционном календаре каждый день в году имеет свое собственное имя. Мой день рождения, к примеру, пятнадцатое декабря, это - сверчок. Не так плохо, если учесть, что существуют даты с названиями «осёл», «навоз», «телега», «лопата» и тому подобное. Хотя, симпатичных слов, конечно, больше. Всяких там фиалок, васильков и прочих «подснежников».

Французский революционный календарь придумали, разумеется, французские революционеры. В 1793 году. Взяли штурмом Бастилию, казнили Людовика Шестнадцатого (они его «гражданином Людовиком Капетом» называли), а за одно отменили христианское летоисчисление со всеми его памятными датами. Как бы объявили начало Новой эры.

Когда я об этом узнал, то тоже решил создать свой календарь. Не такой как у всех.

И создал!

Самое главное в моем календаре то, что год у меня начинается первого сентября и заканчивается в конце мая. Где-то в конце мая, точной даты нет. Последний день учебы в школе как раз и является последним днем года.

А потом наступает Лето!

Лето в моем календаре существует отдельно от всего остального! Оно - вне времени, оно - само по себе! Потому что лето это то состояние души, когда числа, дни, недели и даже часы с минутами только все портят. Лето - это один большой праздник, не бесконечный, к сожалению.

Недостатком моего календаря, наверное, можно считать то, что годы в нем еще не пронумерованы. Ведь летоисчисление ниоткуда не ведется! Новую эру нужно начинать с какого-то великого события, а такие события в моей жизни пока не происходили.

Когда я рассказал о своем календаре Сереге (Серега Горенко – он же «Серж», «Серый» - мой лучший друг), Серега спросил:

-Лето, как награда за страдания? Целый год - сплошной трудовой подвиг, а потом великая «Чунга-чанга»? Попадаешь в рай и блаженствуешь?

-Вроде того.

-Неплохо, – ничего не стал критиковать мой добрый товарищ. – Даже замечательно. Тоже подумаю над чем-нибудь похожим... Момент! А как у тебя насчет праздников? А дни рождения? У меня День рождения девятого июля. Летом, между прочим!

-Спокойствие. Я не революционер, и общепринятые праздники, такие как Новый год, Двадцать третье февраля, Девятое мая и твой День рождения отменять не стану. А с остальными датами разберусь по ходу дела.

-Мудро, - успокоился Серж. – Кстати, что с тем французским революционным календарем случилось? Честно говоря, я про него ничего не слышал.

-Его Наполеон упразднил.

-Почему?

-Были причины, – уклончиво ответил я и задумался.

Стыдно признаться, но на тот момент я совершенно не представлял, почему Наполеон поставил крест на революционном календаре. Не представлял и занервничал – не очень-то мне хотелось показаться невеждой в вопросах истории. Как-никак этот предмет лучше меня в классе не знал никто. Пришлось включать воображение.

-Были, брат Горенко, на то свои причины...

О том, как Наполеон отменил революционный календарь (личная версия)

Причин для недовольства у Бонапарта в тот день было предостаточно. Неприятности начались во время обеда и продолжились сразу после его завершения, когда император прошел в комнату, отведенную ему под кабинет. Там «Его Величество» никак не мог устроиться в узком с жесткими подлокотниками кресле, поставленном возле письменного стола.

-Мало того, что на второе подали курицу, которую я терпеть не могу, так еще и кресло подсунули хуже некуда! Провинциалы! И зачем я только согласился посетить этот захолустный Турин! Пьемонт да и вся Северная Италия мне совершенно не по душе - скучно, погода отвратительная... Нет, больше двух дней я здесь не продержусь! Кстати, какое сегодня число?

Наполеон спросил негромко, и никто его не услышал. Император с досадой поморщился, после чего в очередной раз попытался принять удобное сидячее положение. Снова не получилось.

-Черт знает, что такое! – заскрежетал он зубами и резким движением рук вытолкнул себя из королевского «прокрустова ложа».

Да-да, это было настоящее королевское кресло. Когда-то оно принадлежало сардинскому королю Виктору-Амадею III. Затем по наследству перешло к его сыну, Карлу-Эммануилу IV. Бесталанному, надо сказать, монарху. После чего почти досталось младшему брату никчемного Карла-Эммануила Виктору-Эммануилу, да только Виктор-Эммануил (как король он именовался Виктор-Эммануил I) так поспешно бежал от наступавшей на его монаршие пятки французской армии, что оставил в покинутом Турине большую часть фамильного имущества, в том числе и папино кресло.

-К черту табуретку беглого короля! – закричал во все горло Наполеон, отпихивая от себя ужасное кресло. – Эй, кто там есть?! Принесите мне большой полковой барабан!

Свита, услышав приказ императора, заволновалась. Глаза мужчин заблестели, лица дам побелели. Зашуришали кружева платьев, застучали каблуки по паркету. Все знали – если Бонапарту понадобился барабан, значит, жди новых походов, новых военных кампаний.

Вообще-то эта примета срабатывала не всегда, Бонапарт любил посидеть на барабане и без повода, но сегодня император действительно думал о предстоящих сражениях.

-Австрия! Сначала разберусь с Австрией! – забормотал Наполеон, забрасывая ногу на ногу. – Сколько можно с ней возиться, в конце концов?! Австрийцы должны убраться с Апеннин, очистить Penisola italiana, как называют свой полуостров итальянцы. Нужно прямо сейчас отдать необходимые приказы и выслать ультиматум Францу Второму... или Первому? Эй, Меневаль, какой номер у австрийского императора Франца, «первый» или «второй»? Ох, уж мне эти наследные монархи! В их родословной черт ногу сломит!

Подбежавший личный секретарь Наполеона барон де Меневаль торопливо доложил, что в данный момент у власти в Австрии находится 45-ый император Священной Римской империи, король Германии и Хорватии Франц Второй, хотя как император Австрии, а также как король Богемии и Венгрии он носит династическое имя Франц Первый.

-Тьфу ты! – поморщился Наполеон. – С ума сойти можно! Впрочем, как бы этот Франц себя не нумеровал, от возмездия ему не отвертеться. Однажды он посмел назвать меня «французским авантюристом», так вот пускай отвечает за свои слова! Меневаль, пишите ультиматум с объявлением войны!

-Разрешите узнать, Ваше Величество, - сконфуженно проговорил секретарь. – Как будем писать даты? По-нашему, революционному или по-старому, общепринятому?

-Да, вот ведь загвоздка, - согласился Наполеон, почесав венценосный затылок. – Наши даты вряд ли знакомы сорок пятому императору Священной Римской империи. Кстати, какой у нас сегодня день?

-Красный перец, Ваше Величество. Вчера был баклажан, а сегодня красный перец.

-А по-человечьи, Меневаль?! – взорвался Бонапарт. - Скажите нормально, какое сегодня число по-общеевропейски! Я сам уже порядком запутался в этом революционно-огродном календаре!

-Восемнадцатое октября, Ваше величество, - слегка повернувшись в сторону, чтобы спрятать улыбку, ответил де Меневаль.

-Вот, другое дело! – Наполеон задумчиво постукал пальцами по барабану. – Нда!.. Ну и как мне прикажете вести дипломатическую переписку? Ни австрийский император Франц, ни русский царь Александр, ни английский король Георг не знают, что восемнадцатое октября это красный перец. Посему пишите ультиматум по-старому, Меневаль! И вообще, барон, подготовьте на досуге декрет о том, чтобы вернуть Франции христианское летоисчисление. Надоело мне путаться! Хватит! Баста, как говорят итальянцы!..

Первое сентября не праздник?

Папа нерасчетливо сильно толкнул дверь в мою комнату, и, распахнувшись, она громко ударилась о стену: ба-бам! Я испуганно вздрогнул, да и сам папа подпрыгнул на пару сантиметров.

-Пардон, не рассчитал, - оправившись, извинился он. – Сколько грохоту! Даже забыл, зачем я к тебе пришел. А! Вспомнил! Слышал новость? Тина Канделаки вышла замуж за Квентина Тарантино и стала Тиной Тарантиной.

Я вяло кивнул этой очень бородатой шутке – Тину Канделаки сегодня уже далеко не все знают.

-Тоскуешь? – в знак солидарности папа усиленно нахмурился, но продержался в таком напряжении недолго, всего несколько секунд. – Не грусти, сын, не кисни! Первое сентября – какой-никакой, а праздник. Слушай стих: «Снова наш любимый класс двери распахнул для нас». Прямо сейчас сочинил, под впечатлением от содеянного. Разве плохо?

Я вымучил-таки кислую улыбочку, пожал плечом и предложил свой, более подходящий вариант:

-Снова на свою беду в нашу школу я иду.

-Что ж так? – неискренне удивился папа. Наигранное удивление у него получилось: театрально разведенные руки, широко раскрытые глаза и так далее. – Ром, ты же идешь получать необходимые в жизни знания, встречаться со старыми друзьями...

Я отвернулся к окну. Папа вздохнул.

-Жалеешь, что лето так быстро кончилось? – он заговорил своим обычным приятным голосом. - Не расстраивайся, все когда-нибудь заканчивается. Все проходит...

Слова «Все проходит» когда-то были начертаны на кольце царя Соломона. Интересно, папа знает об этом?

-...Зато, каким интересным у тебя выдалось лето! Каким насыщенным, запоминающимся! Разве нет?..

-Да, - быстро согласился я. Быстро, потому что мне не очень-то хотелось продолжать этот бесполезный разговор.

Трудно объяснить взрослому, почему первого сентября школьник не хочет идти в школу (первоклашек в расчет не берем). Взрослые мыслят одинаково прямолинейно и все без исключения считают так: ребенок грустит только потому, что он за три летних месяца не нагулялся, не наигрался, не накупался и что ему, ребенку, неохота снова каждый день учить уроки, вставать в семь утра и тому подобное.

Конечно, оно так, но...

Да что объяснять?! Взрослым уже никогда не понять того щемящего чувства, которое мы испытываем в конце лета. Они его забыли! Навсегда. А оно непостижимо как любовь. Разве в любви что-то раскладывается по полочкам? Типа: я ее полюбил за то, что у нее красивые волосы и приятный голос? Или за то, что у нее необыкновенные глаза, и она мне улыбнулась? Нет, нельзя. В любви все едино, все переплетено. Всё-всё!

Точно так же и с ним, со щемящим чувством. В нем сплелось разом всё: не накупался, не нагулялся, а завтра уроки, контрольные и сменная обувь. Опять тоскливая осень, теплая одежда, толстые колючие носки, шапки, варежки. Прощайте шорты, аривидерчи мороженное, привет сопли, сырые ноги, красное горло...

Уф! Снова сплошные переживания! В самый раз с Серым поговорить, Дрюню по плечу хлопнуть, Димкины враки послушать...

Когда мне тяжело и тоскливо я первым делом тороплюсь встретиться со своими друзьями. Как правило, помогает. Когда я их вижу, мое настроение улучшается и все встанет на свои места.

-...Супер-лето! – продолжал меж тем восхищаться моими каникулами папа. - Разве нет?! Ромка, тебе же в Италию удалось съездить! И не с родителями на курорт, а в одиночку, самостоятельно! Мне б такое приключение в твоём возрасте!

В папином голосе даже какая-то обида просквозила, словно я не оправдал его высокого доверия. Пришлось изо всех сил кивать-соглашаться: «Да, да, все было замечательно. Успокойся, пап, не переживай».

-Ну, ладно, - смилостивился, уgomонившись, папа. – А вообще, что тут сидишь на подоконнике? Перебирайся в зал. На диван.

«Не хочу», - помотал головой я.

Папа тяжело выдохнул и присел рядом на корточки. Больше присаживаться в моей комнате было не на что. В ней шел ремонт...

Утечет ли Тирренское море?

Ремонт в моей комнате родители ударно начали во второй половине лета. За один вечер меня с моей мебелью и компьютером переселили в зал, а в следующие два дня ободрали обои, оперативно свернули линолеум, планируя заменить его чем-то дорогостоящим, и даже без помощи специалистов выковыряли оконную раму. Не терпелось им. Попала вожжа под хвост.

-Какие мы молодцы! – радовалась мама, круша и ломая все, что подворачивалось на ее пути. – Я так давно мечтала сделать в Ромкиной «берлоге» ремонт. Сколько можно жить в таком убожестве?!

-Почему «в берлоге»? – обиделся я. – Я, по-вашему, похож на медведя? Потому что косолапый?

-Ой, отстань! – отмахнулась мама. Ей никогда не нравились мои претензии к своей внешности. – Никакой ты не косолапый. Походочка, конечно, не ахти, но тут уж ничего не поделаешь.

-Если не косолапый, значит, толстый, - я не отстал и завёлся.

-Не толстый, хотя килограммов пять сбросить не мешало бы.

-Кстати, обои для этой берлоги выбирала ты, дорогая, - встрянул в наши разборки папа, которого больше всего задело то, одну из комнат его квартиры называли убожеством.

-Обои? Когда это было?!

-Шесть лет назад, когда мы делали здесь предыдущий ремонт.

-Не помню! – отреклась от обоев мама и уронила снятый с люстры плафон. Думаю, случайно. Хрупкий плафон не замедлил разлететься на множество осколков. - А, ну его! На счастье! Начинается новая жизнь!

-Это из какой пьесы цитата? – съехидничал папа.

-Антон Павлович Чехов. «Вишневый сад», - моментально, нисколько не обижаясь на его придирки, ответила мама. – Четвертый акт.

Так они, весело болтая, разгромили «берлогу» в пух и прах. Но затем их энтузиазм пошел на спад, и скоро в моей комнате появился только новый пластиковый стеклопакет. И то - по необходимости, в первую же ночь после погрома зарядил неслабый дождь, а ветер задул как раз в мою ничем незащищенную оконную дырку. И всё. В конце концов, ремонт забуксовал как «Феррари» на колхозном поле.

-Извини, с деньгами проблема, - развел руками папа, поднимаясь с корточек. Не усидел на них и полминуты. – Думали, уложимся, а тут... разные непредвиденные расходы. Да и твоя заграничная поездка знаешь, во сколько нам обошлась?..

Раскурочив комнату, родители отправили меня в Италию, в международный детский лагерь. Они давно об этом мечтали, потому что «кто-то у кого-то» туда уже многократно ездил. Моего согласия не спрашивали, тем более что в самый неподходящий момент подвернулась «горячая»... да что там?! Просто «горячая» путевка.

Неподходящим момент был не только из-за ремонта, но и из-за того, что ехать в августе в Италию я абсолютно не собирался. Ни в Италию, ни в любую другую страну мира. В августе я планировал отправиться в соседнюю область, в самую настоящую археологическую экспедицию! На раскопки! Туда меня и моего друга Дрюню Маревского хотел взять Дрюнин дядя, всамделишный археолог, кандидат исторических наук. По крайней мере, он обещал об этом подумать.

-Рома! О чем ты говоришь?! – поразила мама «моему неразумию». – Что ты сравниваешь?! Это же престижный международный лагерь! На берегу Тирренского моря! С аквапарком! Какие могут быть раскопки?!

-Археологические. Древнее поселение...

-Подождет до следующего года твое древнее поселение. Никуда не денется.

-Как ты не понимаешь? Его же совсем недавно обнаружили! – застонал я, и было от чего: меня лишали возможности стать первооткрывателем древних сокровищ. – Там еще столько всего найденного! Только-только половину городища раскопали!

-Обратно не закопают, - равнодушно заметила мама, совершенно не разделявшая моего желания стать новым Говардом Картером.

-Не закопают?! – воскликнул я, расстроенный оттого, что меня не понимают. - А Тирренское море что, утечет?

-А Тирренское море утечет! И в следующий раз нам за такие деньги никто даже похожей путевки не предложит!..

Вот ведь, сами же отправили меня в Италию, а теперь из-за этого ремонт закончить не могут! Еле-еле половину задуманного осилили - пока я по заграницам мотался, в моей комнате единственно новый пол постелили. Опять же, думаю, по какой-нибудь острой необходимости. Может, тараканы от соседей снизу полезли? Или клопы... Или все вместе - тараканы под ручку с клопами... Может, еще чего, не знаю.

Провокации и их происхождение

...Обои я завтра привезу, останется рабочих нанять, - папа царапнул ногтем по стене и кашлянул, словно поперхнулся: – Тоже деньги немалые.

-А вы дедушку попросите, - тихо сказал я. - Он бесплатно поклеит.

Это была провокация. Чистейшей воды провокация.

Сам не знаю, как так у меня получается, честное слово. Как-то само собой, произвольно, и в последнее время все чаще и чаще. Скажем, читаю я что-нибудь нечитабельное - что-нибудь из школьной программы, десять минут читаю, пятнадцать, двадцать... а на двадцать первой минуте закрываю книгу и говорю (причем не в пустоту

говору, а специально для мамы, которая где-то неподалеку находится, в пределах своей гениальной слышимости): «Фу, - говорю, - устал!»

Вот это – пример стопроцентной провокации, поскольку мама ведется и немедленно «встает на дыбы»:

-Отчего устал?! – кричит она, торопясь в мою сторону. - От чтения устал?!

Ну, а вы что думали? Для нее чтение – это святое, от него якобы устать нельзя.

-Рома! Ты совсем не умеешь читать! – негодованию нет предела, мама даже голос срывает: - Ты не понимаешь самый простой текст. Без моих понуканий ты не в состоянии осилить ни одной книги! Что ты прочел за последние полгода? Ну, что?!

Тут бы мне промолчать и уткнуться обратно в хрестоматию, но я продолжаю нагнетать обстановку. Непроизвольно, ей богу! Словно какой-то бес у меня внутри скачет, нервы щекочет.

-Мне бы планшет нормальный... - говорю. - Лучше iPad...

Что дальше, думаю, понятно. Реакция любой мамы на подобные заявления предсказуема.

Так же и с бабушкой, вернее, с приглашением его поклеить у нас обои. Натуральнейшая провокация. Здесь я наступил уже на папину «больную мозоль», потому что папа старается никого к нашей квартире близко не подпускать. Не в том смысле, что никого из посторонних в нее не впускает, нет, конечно же. Войти к нам всегда можно, заходите, пожалуйста. Только ничего не трогайте и не критикуйте!

-Это мой дом, - неустанно повторяет папа. – Я его купил, создал своими собственными руками и что-либо менять в нем могу только я. Больше никто!

Папа безмерно гордится нашим домом как частью своей биографией. И всей своей биографией тоже, естественно, гордится.

Тем, что: в семнадцать лет самостоятельно приехал с Дальнего Востока; без посторонней помощи поступил в институт; отслужил, как положено, в армии (прошел, по его словам, «школу мужества»); а после всего этого окончательно выбился в люди – стал руководителем крупного автотранспортного предприятия. Моим существованием он тоже гордится.

-Мы – сибиряки и дальневосточники - люди хваткие, настырные! И ты, Ромка, должен быть таким же уверенным в себе, сильным. Как медведь! Ты на него уже похож, а если будешь еще больше на пельмени налегать...

-Да-да-да, – неизменно вставляет в этом месте мама и, картинно прищурившись, оглядывает мою нескладную фигуру, будто не каждый день ее видит. – Не артист балета, это точно.

-Ничего, ничего! – пытается подбодрить меня папа. – Нам Гамлетов не играть, правда, сын?

После всех таких «добрых» слов в адрес своей комплекции желание провоцировать родителей только усилится.

-...Нам не Гамлетов играть! Главное, Ромка, ты должен учиться быть самостоятельным! Не быть рохлей, не робеть! Нужно уметь пробиваться в жизни. Самому, без помощи родителей. Не всегда же мы за твоей спиной стоять будем.

Как-то выслушав в очередной, сотысячный раз подобное наставление, я спросил:

-Скажите, а что если я после школы тоже уеду в другой город в институт поступать? Как ты, пап. Вы этому рады будете? И в армию мне тоже идти надо?

Папа не нашелся, что ответить. Он только озадаченно хмыкнул и посмотрел на маму: «Давай, мол, отвечай сыну!»

-Я думаю, в армию идти не стоит, - постучав пальцем по лбу в папину сторону, сказала мама. – Армия, полагаю, обойдется без моего ребенка.

-Мам, а как же «школа мужества»?

-Это нашему папе такая школа была нужна. Лучше скажи, куда это ты уезжать собрался? У нас в городе что, институтов не хватает? Сколько угодно у нас институтов. На любой вкус.

Дедушка

Так вот, «Это мой дом, - любит повторять папа. – Я его создал, можно сказать, своими собственными руками и что-либо менять в нем могу только я. Больше никто!»

А дедушке – маминому папе – всегда очень хочется чего-нибудь в нашей квартире поменять. В ней он готов сделать всё, что угодно и за бесплатно. Даже не знаю, чем она его так привлекает. Ну, просто как пчелу варенье.

У себя дедушка, кажется, давным-давно ничего не клеил, ни красил, никаких кранов с унитазами не менял, у нас же, хлебом не корми, дай порядок и красоту навести! Мама говорит, что деду, во-первых, скучно, во-вторых, он свою помощь от чистого сердца предлагает, хочет быть нам полезным. Так или иначе, но папа ничего ему делать у нас не позволяет, отчего дедушка неистово критикует сложившиеся в нашем доме порядки, а заодно любые планы по его благоустройству.

Иной раз «здрасьте» забывает сказать, сразу с порога возмущаться начинает:

-Олухи вы, плохо вам плитку положили! Не знаю, сколько с вас за такую халтуру содрали, но если бы вы меня позвали, я бы вам во сто раз лучше сделал! И бесплатно!

Или прослышит от мамы, что мы бригаду сантехников нанять собираемся, и негодует:

-С ума-то не сходите! Деньгами разбрасываетесь! Сами что ли батареи не поменяем?

Иногда кроме вопросов ремонта его беспокоит дизайн нашей жилплощади:

-Почему у вас в квартире цветов нормальных нет? – надсмехается он, рассматривая мои любимые кактусы. - У меня в подъезде прекрасная герань растет, какой-то дурак на площадку выставил. Надо ее вам принести!

А не так давно сильно ругался по поводу мебели:

-Глаза-то разуйте! Этот шкаф нужно в другой угол оттащить! Есть у вас картошка?

Меня, если честно, заинтересовала больше картошка, чем смена местоположения огромного одежного шкафа – пускай тащат его, куда хотят. Хоть на балкон.

-Дед, а зачем тебе картошка? – уточнил я. – Are you hungry? Или перед тем как шкаф переставлять, надо обязательно картошки поесть?

-Ты что, тупой? Нарезанная кружками сырая картошка кладется под ножки шкафа, и тогда его можно легко передвинуть...

Мне очень не нравится, когда дед называет меня тупым. Так и хочется в ответ что-то обидное сказать, провокацию устроить. Порой получается.

-Дед, а ты все можешь отремонтировать? – например, как-то спросил я его.

-Все!

-И волкер?

-Конечно!

Дед с такой готовностью выразил свое согласие заняться ремонтом волкера, что я даже засомневался: «А вдруг он действительно знает, что волкер - штукавина в компьютерной игре?» Знает и сам надо мной издевается. Пришлось уточнить на всякий случай:

-Дед, ты точно в волкерах разбираешься?

-Что ты ерунду спрашиваешь? Говорю - разбираюсь, значит - разбираюсь! Давай, посмотри, что в нем сломалось. Пока у меня время есть.

Может, у слова «волкер» имеются и другие значения, не только прикамбас из виртуальной реальности, да только дед ни о том, ни о другом не знал. Поэтому буквально взбесился, когда я устал шутить и сообщил ему правду. Потом целую неделю со мной не разговаривал. Что ж, провокация состоялась.

*Еще немного про деда, а так же про специально обученных людей
и господина Журдена*

Разумеется, мое предложение позвать деда клеить обои не вызвало у папы никакого восторга. Папа скривил лицо и несильно стукнул кулаком в стену. Честно, я ожидал большего. Более бурной реакции. Посмотрим, будет ли продолжение.

-Дедушка, конечно, все делает бесплатно, - папа почесал подбородок, - хотя и денежки чужие считать при этом не забывает...

Что - правда, то - правда. Дед постоянно всех оценивает, причем каждый второй у него – прохиндей. Я думаю, он многим завидует. Он даже мне позавидовал, когда я в Италию уезжал: «А взрослые-сопровождающие на ваш иностранный курорт не требуются?» – поинтересовался. Как бы в шутку.

-Требуются, - ответила за меня мама. – Молодые здоровые девушки со знанием языков. Хотя бы английского. Ты не подходишь.

Тогда дедушка предложил приобрести у него замечательную – «Почти ковбойскую!» - соломенную шляпу. Разрекламировал ее по высшему разряду: и от солнечных лучей голову защищает, и от падения камней с горной кручи.

-Купите, Ромке в Италии такая шляпа ой как пригодится.

-Дед, ты мне ее подари, - крикнул я из своей комнаты, где мы с папой измерили площадь ободранных стен – пытались сосчитать необходимое количество обоев.

-Еще чего! – быстро откликнулся дед. – Стану я тебе свою шляпу дарить! Ухарь какой! Давай покупай! У вас же денег куры не клюют, раз вы по границам разъезжаете!

Я чуть было не рассмеялся, но папа так скрипнул зубами, что смех оборвался у меня на выдохе. Да, папа очень не любит, когда считаю его деньги.

-Дедушка, конечно, все делает бесплатно... - папа еще раз повторил начало своей предыдущей фразы, после чего окончательно взял себя в руки и улыбнулся (черт, все-таки провокация не удалась!) – Но мы его тревожить не станем, мы сразу обратимся к специалистам.

Мои родители любят специалистов, или, по их словам, специально обученных людей.

-Самодетельность, это от безысходности, от нищеты, - часто повторяют они, и мама, и папа. Особенно на дедушкины призывы своими силами поменять батареи или положить в ванной плитку.

-Рома, я пять лет изучал логистику и автотранспорт! Кто же, как не я должен руководить предприятием, специализирующимся на грузоперевозках? – горячится папа в подобных случаях. - Я также не потерплю авантюристов и профанов, сующих нос не в свое дело, будь то полет в космос или прокладка кабеля!

-Рома, ты только представь, если наша дворничиха выйдет на сцену? – поддакивает ему мама. - Что, кого, как она сыграет? Хорошо еще текст роли выучит. Да и то вряд ли. Нет уж, занимайся своим делом! Тем, которому обучился, к которому имеешь призвание, тем, что дано тебе свыше. А то получится как с господином Журденом, героем комедии Мольера «Мещанин во дворянстве».

-А что с ним произошло?

-Господину Журдену, человеку низкого происхождения, до чертиков хотелось стать аристократом.

-Не получилось?

-Нет, Рома, не получилось. И все над ним потешались. Каждому свое, Рома. Дворничиха должна подметать, электрик менять розетки, артист служить в театре!

Чувствую, в чем-то мама ошибается и не права, а вот в чем - пока не улавливаю.

Потом, не очень-то мне нравятся окончания подобных наставлений. Как папиных, так и маминых. В обоих случаях все заканчивается одним и тем же:

-Учеба! Большого мы от тебя пока не требуем...

Или вот так:

-Роман, твоя главная задача: учиться, учиться и учиться. Хорошо учиться...

Можно подумать, я плохо учусь! Лучше многих!

Наполеон и время

-Дедушка, конечно, все делает бесплатно, но мы его тревожить не станем, мы сразу обратимся к специалистам. Кстати, сколько времени? – папа по старой привычке посмотрел на то место над дверью, где когда-то висели замечательные настенные часы. Не обнаружив их там, он тяжело, виновато вздохнул...

Время...

Отсчитывать время революционный французский парламент – Конвент – тоже велел по-новому!

Во-первых, революционеры сократили количество часов в сутках! До десяти. В один новый час запихнули два часа двадцать четыре минуты старого времени. Во-вторых, минуты с секундами Конвент тоже поменял. Новых минут в новом часе стало не шестьдесят как прежде, а целых сто! И новых секунд в новых минутах сто!

Десять часов, сто минут, сто секунд! Во как! Думали, так считать легче?

Оказалось, не всем. Все тому же Наполеону, например! Наверняка он не только сам в этих революционных нововведениях путался, но других с панталыку сбивал. Хоть и старался этого не делать. Можно даже представить, как нечто подобное происходило. Напишет, предположим, не подумавши письмо Карлу IV королю Испании: «Ждите, буду у Вас, Ваше величество, в одуванчик, в девять часов семьдесят пять минут». А бедный испанский Карл из-за такого послания места себе не находит. Голову ломает, мечется по залам дворца, до придворных докапывается:

-Одуванчик это когда, господа? Завтра или на следующей неделе?! А девять часов семьдесят пять минут, это утро или вечер? Что на стол прикажете подавать – завтрак, обед, ужин? Кофе с круассанами или омаров в белом вине?..

Опять же, спросит (ну вдруг, спросит!) французский император в ходе какого-нибудь ответственного сражения у своего иноземного союзника... да, хотя бы у баварского курфюрста Максимилиана Иосифа:

-А скажи, брат мой монарх Максимилиан Иосиф, который час пополудни?

Дескать, свои «золотые» дома оставил – в карман не убирались – подзорная труба мешала.

-Фирцен штунден дер фирциг фюнф минутен! – щелкнет каблуками немец-курфюрст: «Без четверти три, мой генерал! Не пора ли атаковать?»

А у бедного Наполеона от таких фирцигов в голове кавардак и зубы ломит! Мало того, что у него – у корсиканца - с немецким языком швах, то есть беда полная, так

еще и в свое, в революционное время старые «штундены» быстро перевести не получается.

Не получается, а надо - наступление конницы на левом фланге по новому времени назначено, и белым платком с высокого холма раньше положенного махать не резон, так можно всю дислокацию испоганить!

Как мама отказалась присутствовать на «праздничной линейке»

–...Сколько времени? – папа тщательно оглядел комнату, но ничего, определяющего время, в ней не нашлось. – Не пора ли нам ужинать?

Я пожал плечами: «Может и пора». Мне, если честно, есть совсем не хотелось, никакого аппетита. Глядишь, так и сброшу пять лишних килограммов. Говорят же люди: от переживаний худеют.

–Ромка, я хотел с тобой поговорить... – вздохнув, папа опять присел на корточки, – о завтрашнем торжестве. Ты не обидишься, если меня не будет на вашей праздничной линейке? У меня завтра дела важные. Как назло. И отложить их не получается.

Я давно догадывался, что папа не захочет приходить на эту самую, как он выразился, «праздничную линейку». Догадывался и не расстраивался. По большому счету ни ему, ни маме являться туда не имело смысла. Я же далеко не первоклассник, даже не третьеклассник. Это только к малышам из начальной школы мамы-папы на Первое сентября приходят. А если не мамы-папы, то бабушки и их соседки, которым делать нечего.

Но в этот раз задолго до первого числа (точнее, двадцать восьмого – в «пастекь») было объявлено: «На торжественном собрании по случаю Дня знаний обязан присутствовать хотя бы один из родителей каждого школьника». Каждого! С первого по одиннадцатый класс.

И еще: «В том случае, когда по каким-либо уважительным причинам родители не могут присутствовать на торжественном собрании, для участия в празднике делегируется представитель из числа ближайших родственников ребенка».

Так сказала наша классная Полина Викторовна.

Конечно, все это не она придумала. Полина – гуманный человек, и палку перегибать не станет. Это придумал новый директор нашей школы, пригласивший на «праздничную линейку» (что б она провалилась!) то ли депутатов городской думы, то ли самого мэра с телевизионщиками впридачу. Придумал и заставил классных руководителей обзвонить родителей своих учеников. Обзвонить, напугать, «взять за жабры».

–Рома, я уже не буду вас больше беспокоить. Только ты обязательно передай родителям, что прийти надо. На-до! - сказал мне Полина Викторовна, которая позвонила нам тогда, когда ни папы, ни мамы, несмотря на поздний час, дома не было. Папа задерживался регулярно, а мама в этот вечер репетировала Мирандолину в комедии Гольдони «Трактирщица».

Надо так надо. Я передал. Седлал глупость. Все из-за того, что однажды классная при всех объявила меня высоко-сознательной личностью, в отличие от остальных моих одноклассников. И теперь я этому ярлыку стараюсь соответствовать. Уже непроизвольно! В привычку вошло!

Мама сразу открестилась от «предложения» участвовать в торжествах:

–Не могу! У меня на утро первого намечена репетиция! Так что, увольте...

У мамы совсем недавно, где-то с зимы начался взлет карьеры: ее уже приглашали на телевидение, а в театре стали давать главные роли. До сих пор помню день первой нашумевшей премьеры, после которой она, как говорят, «проснулась знаменитой»:

-Успех! Слава! Но почему так поздно?! - мама неласково швырнула в сторону дивана один из множества подаренных ей букетов. - Где мои семнадцать лет?

-*На Большом Каретном*, - папа сразу запел знаменитую песню Высоцкого. – *Где мой черный пистолет...*

-Вам бы все смеяться! Я, между прочим, лучшие годы в статистках проторчала! Вечная прислуга!

-Кушать подано, - подсказал я.

-Молчи, грусть, молчи! – притворно зашмыгала носом мама. – Тебя, неблагодарного, рожала, а в это время вместо меня другие Джульетт играли!..

Здесь она изменилась в лице, мгновенно «войдя в роль», и с чувством произнесла:

-*Что значит имя? Роза пахнет розой, Хоть розой назови её, хоть нет. Ромео под любым названьем был бы Тем верхом совершенств...*

-Не преувеличивай, - заметил папа. – Тебя в театре всего полгода не было. Удивляюсь, как ты мне нормального мужичка родила. До девятого месяца на репетиции бегала.

-Полгода! – вспыхнула мама. – Лучшие полгода!

-Вот водишь, - подмигнул мне папа. – Мы с тобой на паях отняли у нашей мамы лучшие годы ее жизни. Ты полгода и я все остальное.

-Не юродствуй, - сказала тогда мама, похоже, действительно обидевшись. Губы поджала и отвернулась.

Вот так. А в этот раз не пожелала идти на «праздничную линейку»:

-Не могу! – сказала, как отрубилась. - У меня на утро первого намечена репетиция!

-Давно ли ты поутру репетировать начала? - удивился папа.

-С завтрашнего дня, - мамыны глаза загорелись, заискрились. - Меня взяли в антрепризу! Угадайте кто?!

Мы даже не попытались: мы с папой – никудышные театралы. Несмотря ни на какие родственные связи.

Тогда мама назвала фамилию одного известного актера, часто снимавшегося в рекламе.

-Это за какие такие заслуги он тебя приветил?

-А! – засмеялась мама. - Я подружилась с его нынешней невестой.

-Да ты, оказывается, приспособленка! – папа тоже развеселился. - Конформистка!

-Твоя школа, милый!

-Это я-то конформист?! Да я всю жизнь постоянно с чем-нибудь борюсь! Ломаю устои и преграды.

-Да уж, любишь ты повоевать. Все на своем пути сметаешь. Герасимова непонятно зачем выжил... - мама вдруг осеклась и непроизвольно прикрыла рот ладонью.

А папу, до этого весь вечер беззаботно-шумного, тотчас как будто подменили, он побледнел, сначала резко дернулся, желая произнести что-то весомое, неоспоримое, но быстро сник и пробормотал:

-Лес рубят – щепки летят.

Так я впервые услышал о Герасимове.

Герасимов

Просто Герасимов. Имя-отчество этого человека родители никогда не называли. Словно не было у него ни имени, ни отчества. Все, что я смог узнать, так это то, что раньше Герасимов работал вместе с папой. Был его заместителем – «правой рукой» и, кажется, другом. Если не другом, то приятелем, точно. Но однажды пробежала между ними черная

кошка. То ли безымянный Герасимов папу в каких-то важных вопросах не поддержал, то ли папа Герасимова в чем-то нехорошем заподозрил. В итоге папа свою «правую руку отсек» - уволил Герасимова с их родного автотранспортного предприятия. Со скандалом и треском: «Лес рубят – щепки летят».

А вспомнила об этом человеке мама, наверное, потому, что совсем недавно встретился он нам в аэропорту. Там, где меня и два десятка других, таких же отдохнувших на побережье текучего Тирренского моря юных курортников, встречали родители.

-Смотрите, какие здесь машины! – разочарованно, даже негодуя закричал Кристиан. Имелся среди нас один несносный тип с таким нетрадиционным именем.

Мы как раз получили багаж, и попали в объятия заждавшихся родственников. А Кристиан, вместо того, чтобы целоваться со своими предками, тыкал пальцем в ряды автомобилей за стеклом терминала и возмущался:

-Лады, Дэу! Ууу!

Впрочем, недовольство Криса было легко понять: в Италии – сплошные Ламборджини и Мазерати. На худой конец - Фиаты. А тут...

-Товарищи, мне еще на работу надо вернуться, - сразу стал торопить нас покинуть аэропорт папа. – Давайте продвигаться к машине.

-А где Гуля? – спросила мама, перестав меня тискать. – Ее подвезти не надо?

-Сейчас узнаем, - закрутил я головой. – Un momento! Just a moment please.

Вместе со мной в Италии отдохнула моя одноклассница и соседка по кварталу Гуля Салтанова. Впрочем, это тогда она была Салтанова... Впрочем, давайте, все по порядку.

В день отлета Гулю в аэропорт везла ее мама, и добирались они на такси, так как личного автомобиля у Салтановых не было. Добирались долго, с мучениями – с поломками и через пробки. Гулина мама даже звонила из такси нашим сопровождающим – слезно просила их дождаться: не дай бог самолет в Италию без ее дочки улетит!

То происшествие запомнилось многим - все за Салтановых переживали, вот мама и решила по возвращению меня и Гули на родину проявить о «безлошадных» соседях заботу – мы же на машине, нам несложно захватить еще пару человек.

-А, вон она! – я подпрыгнул над толпой и зацепил взглядом белую Гулину майку с надписью «I love Verona» (такая была только у нее).

-*Как голубя среди вороньей стаи Её в толпе я сразу отличаю*, - засмеялась мама.

-Пойду, спрошу... - дернулся я.

Но не сделал и одного шага, потому что меня за плечо схватили папины пальцы. Жестко схватили, неприятно.

-Стой! – глухо приказал папа. Он держал меня, не ослабляя хватки, а сам покашачьи не мигая, смотрел туда, куда я только что собирался бежать.

Здесь людская стена разомкнулась, и я увидел, что рядом с моей одноклассницей стоит ее мама вместе с незнакомым мне мужчиной. Худым и горбоносым. Не мигая, папа смотрел именно на него. И горбоносый почувствовав прицеленный на себя взгляд, обернулся. А как только обернулся, улыбка, озарявшая его загорелое лицо, моментально пропала.

-Пошли на выход! - папа свободной рукой (другой он по-прежнему держался за мое плечо) подхватил чемодан и потащил нас – меня с чемоданом - к двери. Помню, я сказал ему, что чемодан на колесиках, но папа ни на мои слова, ни на колесики внимания не обратил. Мама молча семенила за нами и вопросы относительно Гули больше не задавала.

Мне такое спешное бегство долго не объясняли, и только в «пастекь», когда обсуждался вопрос «Кто идет на торжественную линейку?» мама призналась, что горбоносый - тот самый Герасимов.

-Ром, ты узнай, пожалуйста, что там да как? – попросила она, после того как расстроенный воспоминаниями папа ушел спать. – Понимаешь, папе неприятно с этим

человеком встречаться. А если Герасимов имеет какое-то отношение к Гуле... или к ее маме... ну ты понимаешь...

Я понял и на следующий день все разузнал. Для чего просто позвонил Гуле и позвал ее погулять.

Гуля *Рассказ первый: «Качели»*

До этого я никогда не звал девчонок гулять. Никто из моих друзей с девчонками не гулял. Хотя кое у кого с ними некоторые отношения, разумеется, имелись. Серега и Димка, например, со своими девушками «ВКонтакте» общались. А гулять нет, никто не гулял. «Значит, буду первым», - решил я. Впрочем, с Гулей у меня было совсем иное, не то, что у Сержа и Димана с их девчонками. С Гулей я реально подружился. В Италии.

А раньше терпеть не мог.

Нет, не так. «Терпеть не мог» - это перебор. Не выносил, или, лучше сказать, избегал, стороной обходил. У нас в классе она считалась «ненормальной по жизни», «с прибабахом» и даже «припадочной». Потому что бывало: чуть что, и Гуля - сразу в слезы.

-Депрессивная девушка, ранимая, - сказала про нее мама. Давно еще сказала, мы тогда в шестом классе учились.

-Дефективная, а не депрессивная! - брякнул я.

Считал, что имею право так говорить - мне в тот раз из-за Гули «неуд» по поведению поставили. Я случайно - правда-правда! - попал ей тряпкой в лицо, а она вместо того, чтобы отплатить мне той же монетой, той же грязной тряпкой, расплакалась на всю перемену и на пол-урока вдобавок. А потом, на следующей перемене, ее в коридоре кто-то толкнул, она ударилась об открытую оконную раму, и стекло разбилось.

-Гуля порезалась? - строго спросила мама, оторвавшись от дневника, где красными чернилами - будто кровью! - был зафиксирован тот проклятуший «неуд».

-Неважно, мам! Это же не я ее толкнул! А на меня всех собак навесили!

-Нет, дорогой мой! - я моментально почувствовал, как внутри мамы поднимается волна возмущения. - Как раз важно, порезалась Гуля или нет!

-Кажется, нет. Только плакала. Ее сначала в медицинский кабинет отвели, а потом домой отпустили.

-Удивляюсь, почему нас с папой в школу не вызвали.

-Так это не я сделал!

-А еще: почему к нам Гулины родители разбираться не идут?

-Никто не придет, - уверенно сказал я. - У нее отца нет, а мама какая-то стеснительная. Всего боится. Такая же депрессивная как ее дочка.

Я и в лагере с Гулей поначалу не общался. Мало ли, что одноклассница. Тем более - тот злосчастный «неуд»! Такое не сразу забывается. И только когда с качелей слетел да об землю итальянскую, что есть силы, грохнулся, вот тогда подружился.

С тем полетом все получилось непостижимо глупо и быстро. Руки соскользнули, ноги не устояли и только... вжжжжжииик! Перед глазами - облака, деревья, лица ребят да вся прожитая жизнь за полсекунды! Сначала - вжик, а потом - шлеп! Показал чудеса эквилибристики.

Шлеп, и вот я - на горячем песке, усыпанном большими кедровыми шишками, лежу - страдаю. Практически молча страдаю, чуть постанываю. А боль, меж тем, адская. Я же, елки-палки, не с табуретки, а с высоченных - метров пять, не меньше - качелей слетел! Слетел и плашмя, не успев скомпоноваться (при моей неуклюжести это обычное дело)

рухнул спиной на землю. В ушах так зазвенело-затрезвонило! Расслышал только, как кто-то из наших закричал по-русски на весь лагерь:

-Ромка позвоночник сломал!

От этих слов я вообще сознание чуть не потерял и даже собрался заставить свое сердце остановиться, чтобы умереть окончательно, лишь бы инвалидом не оставаться. Почти собрался, как ощутил на своей щеке чужую ладонь.

Пришлось открыть глаза.

-Очень больно? – спросила склонившаяся надо мной Гуля.

-Так... - уклончиво ответил я, приподнимая голову. Сразу неудобно стало перед девочкой калеку убогого изображать. Пошевелил пальцами всех конечностей (цел позвоночник!) и сел.

-Давай, помогу, - Гуля несильно потянула меня за руку, предлагая подняться.

Я тяжело вздохнул и кое-как встал.

Вокруг, на приличном от нас с Гулей расстоянии замерли прочие свидетели моего падения. Безмолвно как телеграфные столбы. «Ну, скажите что-нибудь, ироды! Человек чуть не погиб, а вы...!» - возмущенно подумал я и, с трудом передвигая ноги, поковылял прочь. Потом опомнился, повернулся к Гуле и сказал:

-Спасибо!

Гуля

Рассказ второй: «Поездка в Рим»

После была экскурсия в Рим, и мы с Гулей как-то незаметно стали ходить по нему вдвоем.

Вообще-то все ходили толпой, кто с кем непонятно, но иногда от толпы отваливались двойки-тройки зазевавшихся, которые наши воспитатели-сопровождающие с криками и руганью отлавливали, чтобы снова запихнуть в оранжевую массу. Оранжевую, потому что все наши в лагере носили оранжевые футболки. Итальянцы – голубые, сербы – розовые, а мы – оранжевые.

Гуля под села ко мне еще в автобусе, пока мы до Рима добирались. В автобусе все постоянно бегали от окна к окну, пересаживались с места на место, вот в один из моментов, когда соседнее со мной кресло опустело, на него она и взобралась.

-Хочешь? – Гуля осторожно, с оглядкой на вожатых протянула мне пачку чипсов.

-Откуда? – изумился я: в Италии нам строжайшим образом запрещали проносить в автобус продукты питания. Чтобы мы там не ели и не мусорили.

-Взяла. На всякий случай. Хочешь?

Конечно, я хотел. Когда запрещают, всегда хочется.

А уже в Риме около фонтана Треви мы отстали от группы. Заболтались. Сначала Гуля начала рассказывать, что перед поездкой в Италию прочитала «Ромео и Джульетта», и я, будучи поверхностно знаком с великой трагедией, поддержал разговор - воскликнул:

-А! «Чума на оба ваши дома!»

-Что? – не расслышала Гуля.

-*Две равноуважаемых семьи*

В Вероне, где встречаются нас события,

Ведут междоусобные бои

И не хотят унять кровопролитья... – процитировал я.

Все Гулино лицо – широко раскрытые глаз и такой же округлившийся рот - выразило мне самое искреннее восхищение.

-Ты тоже читал?!

-Не всё, - соврал я. Не захотел сознаваться, что отрывки из произведений Шекспира любит декламировать мама, и я волей-неволей кое-что запоминаю.

А Гуля сказала, что ей очень хочется побывать в Вероне...

-Смотри под ноги, ворона! – завопил в этот момент всем всегда недовольный Кристиан – Гуля нечаянно наступила ему на пятку. – Солнечный удар получила? Не видишь, куда копыта ставишь?

Мы промолчали и дальше постарались держаться в стороне от этого крикуна, переместившись в конец группы.

Так вот, Гуля сказала, что ей очень хотелось бы побывать в Вероне, да, видимо, не получится – больше никаких, кроме как в Рим, экскурсий нам не обещали. «Солнце, воздух и вода! Что вам еще надо, дети неразумные?! – неизменно восклицала вожатая Ольга на все наши вопросы об экскурсиях и поездках. С первой минуты, как мы приехали в лагерь. – Солнце - итальянское, воздух – средиземноморский, вода – тирренская, изумрудная! А на экскурсиях вы будете изнывать от жары, проситься в туалет и капризничать». По большому счету она была права. В том же Риме нас интересовали не столько древние памятники, сколько тень от них. А в мужском туалете собора святого Петра не было писсуаров, и в кабинки стола огромная очередь.

В общем, оказалось, что контактировать с якобы «припадочной» Гулей вполне можно. Хотя временами у нее заметно менялось настроение, и она грустнела по малейшему поводу. Или вовсе ни с того, ни с сего. Первый раз такое случилось, когда я, продолжая хвастаться «знанием» «Ромео и Джульетты», вспомнил оттуда четверостишие про птичку щеголиху:

- Ты как ручная птичка щеголихи,

Привязанная ниткою к руке,

Ей то дают взлететь на весь подвесок,

То тащат вниз на шёлковом шнурке.

-Ага, - нахмурившись, согласилась моя спутница.

-Что «ага»? – не понял я.

-Нет, ничего... - смутилась Гуля.

А когда мы проходили по красивейшей в Риме площади Испании, мимо знаменитой лестницы, она осторожно поделилась со мной сокровенным:

-Знаешь, мне кажется, все люди видят по-разному, разным цветом.

-Как разным цветом?

-Ну, понимаешь... мне и тебе с детства сказали, что небо голубое, вот мы и называем «голубым» тот цвет, в который оно для нас окрашено. А может, я вижу его не таким, каким видишь ты, а ты - не таким, каким его видит твоя мама, научившая тебя называть его «голубым»? Может, оно у меня того цвета, который ты считаешь... например, «желтым»?

-Не очень как-то - желтое небо, - нерешительно, боясь обидеть Гулю, заметил я.

Но она все-таки обиделась:

-Для тебя не очень.

-Подожди, мне все ясно! - я торопливо прикоснулся к Гулиной руке. – У каждого свой собственный мир, потому что для каждого он раскрашен по-разному, правильно? Для тебя мой голубой вовсе не голубой, а желтый, но мы оба называем небо голубым: и тебя, и меня так приучили!

-Ты, правда, понял?! – обрадовалась Гуля. – Я совсем не умею объяснять.

-Конечно, понял! - не знаю, как до кого, но до меня Гулина идея дошла. - Для тебя мой красный - какой-нибудь синий, а зеленый – фиолетовый. Здорово! И так у всех, у каждого своя радуга! Ха, представляю, какую картинку видит Крис!

Мы отыскивали глазами Кристиана – он как раз гневно возмущался тем, что на ступенях Испанской лестницы, так же как и в автобусе, нельзя есть – и рассмеялись:

-Кислотный кошмар, не иначе!

-А вдруг на свете есть несчастные люди, которые видят мир серым, даже черно-белым? – неожиданно погрузнев, спросила Гуля. – Только они не хотят об этом говорить. И зря, может, их можно вылечить?

И еще она опечалилась, когда я беззаботно, с легким сердцем заметил:

-А насчет Вероны не переживай! В следующий раз туда съездишь. Какие наши годы?!

Полагаю, ей про «следующий раз» не понравилось.

Впрочем, в целом, Гуля оказалась нормальным, как принято говорить, адекватным человеком. Я еще подумал: «Должно быть, у нее дома существуют семейные проблемы, и это из-за них она такая «депрессивная», а здесь, в Италии, пока никого из родных вокруг нет, все плохое отошло на второй план». Подумал, но уточнить не решился.

Да! Когда мы у фонтана Треви окончательно от своих отстали, произошел смешной случай. Вожатая Ольга кинулась нас искать и толком не разобравшись, схватила двух итальянских ребят – мальчика и девочку, похожих на меня с Гулей. Сцапала и за собой потащила. Итальяшек тогда из иностранного плена их родители спасли. Ольга потом (уже в лагере) смеялась: «Солнце печет! Голова кругом! От жары мозги набекрень! Вижу - дети оранжевые. Значит - свои!» Оказывается, на итальянцах оранжевые майки одеты были! Такие же как наши.

А еще, глядя на меня и Гулю, Ольга сказала тогда весьма загадочную фразу:

-Тот, кто шагает не в ногу, слышит другой барабан.

Интересно, что это означает?

Другая фамилия

И вот когда мне поручили узнать, какое отношение к моей однокласснице имеет встречавший ее в аэропорту Герасимов, я позвонил Гуле и позвал пойти прогуляться.

-Где встретимся? – осторожно спросила она.

Я чуть было не ляпнул: «Около школы». Привык - именно там я всегда тусил с Серегой и Дрюней. Но не ляпнул, молодец, вовремя сообразил, что школьный двор не лучшее место для свиданий, пускай и ненастоящих.

-Приходи за мой дом.

Вот это – место подходящее. За домом как раз спилили, но еще не вывезли старые тополя: теперь было на чем посидеть-поболтать. Не бродить же нам «влюбленной парочкой» по району.

-А я знаю, о чем ты хочешь спросить, – сразу, как только мы встретились, сказал Гуля.

-Да? – на самом деле я ничуть не удивился, давно уже осознал: Гуля – человек сообразительный.

-Да. Он теперь мой отчим.

-Это, пока ты в Италию ездила, произошло? - поразился я.

-Не совсем. Они с мамой давно, еще весной решили пожениться. А пока я в Италию ездила, у них свадьба была. Так что, теперь у меня фамилия Герасимова.

Я выпучил глаза. Нет, мне, конечно, были известны случаи, когда люди меняли фамилии. Из книжек, из кино. Но чтобы вот так! Чтобы рядом с тобой сидел человек, который пару дней назад был Салтановой, а теперь стал Герасимовой! Обалдеть!

-А тебя что, не спросили: хочешь менять фамилию или не хочешь?

-Спросили.

-И ты не отказалась?

-Зачем?

-Ну... не знаю. Я бы от своей не стал отказываться, это же фамилия моего родного отца!

Я так сказал, а потом подумал: ведь не знаю ничего про Гулю, про ее семью. Может, она своего отца и не видела никогда и кто он такой даже не представляет? Может, прежняя фамилия для нее мало что значит?

А Гуля промолчала.

-Вы здесь будете жить? В смысле - к твоему отчиму не переедете?

-Пока здесь. Потом нашу и его квартиру...

Что произойдет дальше, Гуля рассказать не успела, потому что из-за угла дома вышла не в меру любопытная малявка лет семи и нагло на нас уставилась.

-Пойдем отсюда, - Гуля прыгнула с бревна и почти побежала в противоположную от малявки сторону.

- Подожди, - я поначалу замешкался, а потом вприпрыжку последовал за Гулей. – Куда ты так понеслась?

-От нее подальше.

-От кого?

-От Миланы.

-От кого?!

-От моей сводной сестры. Та пигалица – дочка моего отчима Милана.

-Милана? Что это за имя такое? Похоже на название колготок.

У меня вырвалось про колготки, и я смутился: откуда, спрашивается, парень может знать название женских колготок? Тупица, как говорит бабушка! Не мог придумать, что имя Милана напоминает название какого-нибудь магазина дамской одежды? Тьфу ты!

Гуля остановилась, чтобы отдышаться.

-Фу-у-уф! Убежали?

-А чего мы от твоей Миланы бегаем?

-Никакая она не моя! Не хочу, чтобы она за мной ходила. Все время за мной следит.

-Может, она дружить с тобой хочет? - усмехнулся я. Так просто усмехнулся, без задней мысли. А Гуля аж побледнела от возмущения.

-Да?! Дружить?! Доносчица она, вот кто! Сейчас побежит докладывать, что меня с тобой видела. Это ей, наверное... - Гуля замялась, - ...Он поручил. Он про тебя и твоего отца спрашивал, говорил, что мне не следует с тобой общаться.

-Мне такого не говорили, - сказал я, но про себя подумал: «Пока не говорили. Когда вернусь, обязательно скажут».

Сразу захотелось не возвращаться домой как можно дольше.

-Давай, еще где-нибудь посидим, - предложил я, несмотря на то, что поставленная мамой задача – выяснить «что да как» - была выполнена. – Что дома делать? Ты знаешь такую речку – Керженец?..

Легенда о Великой Государыне Царевне Софье Алексеевне

-Керженец здесь вброд перейдем.

Пожилый стрелец Осип Плихин придержал коня и обернулся к ехавшей позади него Софье.

-Не обессудь, царевна, ноги замочить придется. Тут лошадям вода по грудь будет. Однако берега пологие - самое подходящее для переправы место.

Софья устало кивнула.

-Долго ли еще, Осип?

-Недалече. Считай, что прибыли, - поспешил успокоить опальную царевну Плихин, хорошо знавший заволжские леса. - Еще две версты вверх по реке и вот он – Шарпан. Не отставай, стрельцы! Никто не отбил, не заплутал? Все здесь? Все двенадцать?

Уже не первые сутки царевна Софья, бежавшая из-под ареста, из Новодевичьего монастыря, добиралась до заветного Шарпана – запряженного в нижегородской глухомани старообрядческого скита. Только там она могла укрыться от преследований брата своего Петра - царя Петра Первого. Староверы с новым самодержцем не в ладах, приютят мученицу, небось не выдадут. А добиралась Софья до Шарпана под охраной дюжины верных ей стрельцов, двенадцати смельчаков, организовавших столь дерзкий побег.

«Двенадцать стрельцов, вот и все мое войско! – с горечью думала беглянка. – А ведь когда-то всей русской армией располагала, всю страну в руках держала! Великой Государыней Царевной и Великой княжной именовалась! Как же власть смогла упустить? Как же дозволила братцу обойти себя? Я же – старшая в семье (сестрицы Евдокия да Марфа не в счет, не достойны они венца царского!), я первейшее право на престол имею! Эх, зачем батюшка Алексей Михайлович после смерти матушки Марии Ильиничны Милославской повторно женился?! Разве не достаточно было наследников мужеского полу? Да хоть бы Ванечка, братик мой единокровный. Ну и что, что здоровьем да умишком слаб, я бы ему в управлении государством подсобила. А Петька чужой! Нарышкиной Натальи Кирилловны отпрыск. Всего-навсего четырнадцатый ребенок отца нашего! Эх, обманом Петька власть присвоил! Не по чести поступил!..»

Отменно знал Осип Плихин Керженец, удачное место для переправы выбрал, вовсе не глубокое. Черные воды потаенной реки только сапоги царевны замочили. А дальше путь снова лесом лежал. И все тринадцать всадников проехали этот путь немотствуя, погрузившись в свои безрадостные думы.

Стрельцы о семьях, брошенных в Москве, вспоминали: «Какая там родичам жизнь предстоит? Не оставит царь безнаказанным дерзость нашу – отомстит сыновьям и братьям. Да только не могли мы иначе поступить! Мы царевне Софье на верность присягали! Ничего, настанет еще наше время, вот только силы поднакопим! Много за Волгой сторонников Софьи Алексеевны, много недовольных новыми порядками людишек по лесам заповедным прячется, ни на один полк наберется!..»

А Софья поначалу гадала, как ее старообрядцы встретят? Ведь она, пока властвовала, с раскольниками не церемонилась - гонениям подвергала, казнила даже! Но недолго помучавшись, решила: «Будь что будет, все равно деваться больше некуда, не в монастыре же век дожидать!». Успокоилась малость и принялась планы на будущее строить: «Пока жива, бороться не брошу! Отпишу Римскому кесарю, пусть поможет, придет войско с братцем-узурпатором воевать! Потом отблагодарю кесаря. По совести отблагодарю. Ужо когда в Москву возвратюсь...»

Только не суждено было ничьим мечтаниям сбыться. Ни Софьиным, ни стрелецким.

Староверы хоть и оказали Софье с ее охранниками гостеприимство, да только воевать с кем-либо не пожелали. И сколько ни подбивали стрельцы богомольных мужиков супротив царя-антихриста выступить, никто к ним в помощники не вызвался. А послание царевны Римскому кесарю до адресата не дошло – отряженные с ним гонцы в скором времени обратно в Шарпан воротились. Чуть живые! Опознали их в Нижнем! Слава богу, не поймали! Да только знал с тех пор Петр Первый, где, в

каких краях его беглая сестра-царевна со своими соратниками прячется. И не было им с той поры из заволжских лесов обратного ходу!

-А что с ними потом стало? – тихо спросила Гуля.

-В Шарпане есть захоронение схимницы Прасковьи, вокруг которого двенадцать безымянных могил. Староверы до сих пор верят, что схимница Прасковья и есть царевна Софья, а рядом с ней похоронены верные ей стрельцы. Только все это легенда, Гуль. Сказка. В научных кругах принято считать, что царевна Софья Алексеевна дожила свой век в неволе – в Новодевичьем монастыре.

-Я лучше буду в легенду верить, в свободу...

Все должно быть иначе

Вечером я доложил родителям о том, что Герасимов - отчим Гули и о том, что какое-то время он будет жить в нашем микрорайоне: «Готовьтесь – случайные встречи неизбежны».

-Рома, а может, ты узнаешь поточнее, когда они планируют отсюда уехать?

-Хотите, я позвоню, спрошу.

-Нет! – замахала руками мама. – Не надо звонить. Потом... как-нибудь... в школе поинтересуешься.

-Хорошо.

-И, пожалуйста, постарайся поменьше общаться с этой Гулей, - попросил-приказал папа. Слово «этой» применительно к Гуле мне не понравилось. – А то неправильно получается: мы с господином Герасимовыми не контактируем, а ты... с представителем враждебного племени, - папа вымучил улыбку, - трубку мира раскуриваешь! Не будешь общаться? Договорились?

-Да... нет... - сказал я постыдно неуверенно, запнувшись и опустив глаза в пол. Dammit! На самом-то деле мне хотелось воскликнуть: «Вы не правы! Так нельзя! Все должно быть иначе! По-другому!»

Господи, ну почему у меня не получается сказать родителям все, что я думаю?! Почему?!..

Неожиданное и не лучшее решение

-Ах, вот вы где! – в мою раскуроченную комнату заглянула мама, видимо для того, чтобы позвать нас ужинать. - Попрятались по углам, а я бегай по всей квартире, ищи вас. Выяснили, куда исчез бухгалтер?

Она замерла в дверном проеме, дожидаясь папиного ответа. Как будто от того, каким он будет, зависело - стоит нас приглашать к столу или нет.

-У него, оказывается, отпуск до второго числа, - усмехнувшись, ответил папа. – А я забыл.

-Что-то с памятью моей стало?

Подозреваю, мама произнесла слова из песни, потому что папа тотчас затянул: «А степная трава пахнет горечью, молодые ветра зелены...» Возможно, в оригинале это звучит красиво.

-Хватит петь, - скомандовала мама. - Марш мыть руки. Оба. Ужин давно украшает стол.

-Ну что, кого из членов семьи делегируем на праздник? – спросила она через полчаса, уже после того, как с радужной форелью было покончено.

Вопрос был адресован непосредственно папе, и понимать его следовало так: «Ты туда идешь?»

-Я не могу, - развел руками папа.

-Не маши вилкой. Почему?

-У меня дела.

-Какие?

-Неотложные! – недовольным тоном произнес папа. – Или ты считаешь, у меня дел мало?

-Нет, но я хочу знать, какие такие неотложные дела мешают тебе прийти к сыну на торжественную линейку? Со мной все ясно, у меня репетиция, а вот что у тебя?

-Знаешь, ты в мои дела, пожалуйста, не... это самое... не вникай.

-Не суйся, ты хотел сказать, - усмехнулась мама.

-Как сказал, так сказал. «Не вникай», значит - «не вникай». Я же не лезу в твои домашние дела.

-А я, например, всегда мечтала иметь мужа, который бы лез в мои домашние дела - чистил картошку, иногда мыл посуду!

-Ладно, на чем мы остановились? – спросил папа после минутной паузы, во время которой они с мамой обменялись долгими «страшными» взглядами.

-На том, что ты не можешь идти на линейку, у тебя неотложные дела. Хотя ты просто не желаешь встречаться с Герасимовым, который может там оказаться.

-Пусть так, - смиренно согласился папа.

-Интересно, он тоже думает, как бы от тебя спрятаться?.. Хорошо, хорошо! – мама всплеснула ладонями, так как папа снова на нее «страшно» посмотрел. - Проехали. Ну, раз никто из присутствующих не может, тогда пускай дедушка ходит. А вечером все вместе посидим, чайку с тортиком попьем.

Мамино предложение отправить на торжественную линейку дедушку мне категорически не понравилось.

-А может лучше кто-то из вас? – обескуражено попросил я родителей.

Diable! рано я радовался появлению горбоносого, отвадившего папу от прогулок возле школы. Конечно, лучше бы вообще никто не ходил, но если на горизонте замаячил дедушка, тогда...

-Мам-пап, может, получится?

-Нет, сына, - сказал мама. – Я не могу, а папа боится – Герасимов его съест. Так что придется идти дедушке. А что имеешь «против»?

«Против» я имел то, что дед из каждого общественного мероприятия устраивал собственный бенефис, нравилось ему быть в центре внимания, а я этого стеснялся.

Самое ужасно, что дед везде и сразу начинал выискивать правонарушения. Ему могло не понравиться то, как расставлены столы, как развешаны воздушные шары, какая играет музыка и вообще все! Все, что угодно. Там, где другой недовольный человек разворачивался и уходил, дед бросался в атаку!

Однажды мы с ним попали на выставку кошек, так там он сначала поругался с продавцом мороженого из-за цены и размера порции, а потом взъелся на всех организаторов выставки разом, обозвав их жуликами. Когда же я попросил его не кричать на людей, возмутился:

-Да ты что?! Во всем должен быть порядок! А они даже скамеек для пожилых не поставили! Я пожилой человек, мне здесь негде отдохнуть.

-Если ты устал, пойдем домой.

-Нет! Я пришел на выставку и хочу осмотреть ее полностью! От и до.

-Но ведь ты устал. Пойдем в парк, там есть лавочки. Все равно тебе здесь не интересно, ты кошек не любишь.

-Глупости не говори! – продолжал греметь на весь павильон дед, из принципа не желая покидать выставку. - Не важно, интересно мне здесь или не интересно! Главное, что здесь нет ко мне – пожилому посетителю - никакого уважения!

В конце концов, своими криками дед не только привлек к себе охранника, но и разбудил во мне беса-provокатора.

-Дед, а за что мне тебя уважать? – спросил я.

-Как за что?! Да хотя бы за то, что я тебя старше! Только за это ты должен меня уважать и слушаться!

-А бомжей на улице я тоже уважать должен? Некоторым из них лет сто на вид. Может, они и тебя старше. Тогда и ты, дед, их уважать должен. Уважать и слушаться.

Эх, не стоило так говорить. В результате, дед назвал меня дураком, обиделся и покинул-таки выставку. Всю дорогу до дома он молчал, а, «передавая» меня маме, свирепо буркнул:

-Воспитывайте лучше! Несет околесицу, слушать противно! Бомжом меня обозвал! Неправда, бомжом я его не называл.

Часть вторая

«1-е»

Утро первого дня нового года по моему календарю...

Утро Дня знаний, будь он не ладен, началось для меня ужасно - с того, что соседи за стеной громко врубили музыку: «...Учат в школе, учат в школе, учат в школе...»

Естественно, я встал с огромным желанием им отомстить. Сделал то же самое, что и они - включил телевизор на полную катушку. Моментально прибежал папа с искаженным лицом, нажал на пульте все кнопки разом, отчего телик растеряно захлебнулся. Как и моя месть.

-Ты с ума сошел?!

-Пап, не я первый начал.

-Я не спрашиваю, кто первый начал? Что ты за идиотами повторяешь? А если они из окна станут прыгать, ты следом сиганешь?

Потом папа немного успокоился и, позевывая, наделил меня порцией умных, видимо, только что пришедших в его светлую голову, мыслей:

-Громкую музыку, - сказал он, - врубают те, кто не умеет думать. Таким в тишине неуютно. Даже страшно. А когда орет музыка, можно не думать – башка другим занята.

На папины крики пришла мама.

-*Какой волшебной музыкой звучат нам голоса любимых на рассвете!* – сказала она, улыбаясь и потягиваясь

-Это откуда? – вздохнув, спросил папа. – Из Шекспира?

-Точно! «Ромео и Джульетта»! – радостно удивленно воскликнула мама. – Бог мой! Наконец-то ты становишься культурным человеком!

-А! – отмахнулся папа. - Никто в этом доме меня не понимает! Я об одном, они о другом. Сколько вообще времени? Мне еще за букетом идти.

«Черт! – подумал я. – Еще и цветы в школу нести придется! Мало мне деда!»

А мама прижала к своему плечу мою голову и снова заговорила стихами:

*-Пылающую голову рассвет
Приподымает с ложа своего,
И все земное шлет ему привет,
Лучистое встречая божество.
Когда в расцвете сил, в полдневный час,
Светило смотрит с вышины крутой, —
С каким восторгом миллионы глаз
Следят за колесницей золотой.
Когда же солнце завершает круг
И катится устало на закат,
Глаза его поклонников и слуг
Уже в другую сторону глядят.
Оставь же сына, юность хороня.
Он встретит солнце завтрашнего дня!*

Интересные стихи. Наверное, тоже Шекспир.

Через сорок минут папа вернулся с красными махровыми астрами на длинных-предлинных стеблях и сразу же, от порога сообщил:

-Я только что в нашем подъезде видел крысу.

Мама вскрикнула: «Ай!», передернула плечами, будто ей стало нестерпимо холодно, и категорично заявила:

-Мерзость! Я туда не пойду!

-А как же репетиция? – усмехнулся папа. - Да не бойся, она уже убежала. Я ее до улицы проводил.

-Да?.. Ну, хорошо.

-Ее проводил и тебя провожу. Эх, здоровая такая крыса...

-Ничего больше не говори! Фу! – поморщившись, приказала мама. – Крыса – это отвратительно, это плохая примета, не к добру.

Я хотел спросить: «А что к добру?», но не стал. Во-первых, я не суеверный, во-вторых, все эти приметы – что к чему - можно посмотреть в Интернете.

-Хотя, «не к добру», это если крысу во сне увидеть... - принялась размышлять мама.

-Откуда такие познания? – папа хитро заулыбался в ожидании очередной цитаты из какой-нибудь пьесы.

-Из «Ревизора». Там городничий говорит: «*Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились две необыкновенные крысы*».

-Так то две...

-Все, угомонись. Закончили об этом. На улице тепло? – мама решительно сменила неприятную ей крысиную тему. – Я в одной блузке не замерзну?

-Одень пару, - совершенно серьезно ответил папа, видимо не вникнув в суть заданного ему вопроса. Похоже, он по-прежнему продолжал думать о крысе.

-Очень смешно! - мама махнула рукой и, не требуя никаких провожатых, умчалась на свою репетицию.

Почти вслед за ней ушел и папа, наказав мне непременно дожидаться дедушку, а также «учиться на «хорошо» и «отлично». Что-то про поведение ничего не сказал. Или я не способен на безрассудные поступки?

Торжественная линейка

Дедушка как всегда опоздал. «Как всегда» потому, что опаздывать в его правилах. Минимум на полчаса, максимум на полтора. Полтора часа - дедушкино максимальное опоздание, случившееся на моей памяти. Думаю, это не предел. Уверен, он может заставить ждать себя еще дольше.

В результате позвонив деду без десяти одиннадцать (всё, пора выходить, цигель-цигель!), я узнал, что мой «делегат из числа ближайших родственников» только-только отъехал от своей остановки.

-...Тогда я пошел один, а ты, как доберешься, подходи к школе, - радостно «потирая руки» сообщил я. После чего благополучно оставил длинноногие астры дома (спросят, скажу: забыл) и отправился на торжественную... чтоб ей провалиться!.. линейку.

Она, меж тем, и взаправду походила на жутко важное, «планетарного масштаба» мероприятие. Повсюду трепыхались флаги, надрывно играл оркестр, а наделенные властью одиннадцатиклассники, не церемонясь, строили нас – бесправных «малышек» - в ряды, шеренги и квадраты. По классам, согласно заготовленной разметке, а также из принципа «мальчик-девочка, мальчик-девочка».

Мне было без разницы, с кем «торжествовать», лишь бы поскорее весь этот цирк закончился, но когда со мной в пару определили Гулю, стало немного веселей. Тем более, она сама этого захотела. Вроде бы.

-Привет, - сказал я и тотчас вспомнил про ее отчима.

А как только вспомнил, так принялся выискивать его в толпе родителей, радостно (им-то, что не радоваться?) суетившихся возле нашего седьмого «А». Нет, никакого намека на горбоносого. Странно, неужели Герасимов, как и папа (по той же самой нелепой причине) не явился на наш с Гулей «праздник»? Неудержимо захотелось спросить об этом свою соседку. Только сделать это требовалось осторожно, дипломатично.

-Я здесь один, а твои пришли? Мама... кто еще там...

-Мама там, - Гуля хмуро мотнула головой куда-то влево. Туда, где стояли нарядные суматошные первоклашки.

Повернувшись в указанном направлении, я приподнялся на цыпочках и сразу заметил высокого Герасимова. Его и Гулину маму. В нашу сторону они не смотрели, общаясь с кем-то из учителей младших классов. Но почему они там, в тех краях?

-Они тебя обратно в первый класс определяют? – попытался пошутить я.

-Они с Миланой, это она в первый класс идет, - ответила Гуля и отвернулась. Отвернулась и... всхлипнула.

Больше нам с ней поговорить не удалось. Больше мне ни с кем поговорить не удалось, потому что появился дед. Я надеялся, что дедушка не успеет до начала праздника, но он успел, черт побери! Слишком долго не начинали, вот он и успел! Да еще в каком виде!

Дед появился в своей легендарной «почти ковбойской» соломенной шляпе, защищающей от солнечных лучей и падения камней с горной кручи. Зачем, спрашивается?! Никаких горных круч, а следовательно, и камнепадов в районе нашей школы отродясь не наблюдалось, солнце же в этот праздничный день светило по-осеннему вяло, безобидно! Догадался, во что нарядиться!

Причем объявился он не позже, не раньше, а именно тогда, когда смолк оркестр, и вот-вот должны были грянуть торжественные речи. Когда одиннадцатиклассники, как следует, настроили микрофоны, когда учителя грозно призвали учеников к порядку, когда родителей отогнали на задний план, а директор взялся выводить к публике дорогих гостей-депутатов.

Но дед с установленными порядками считаться не захотел и, нарушая намеченную церемонию, выбежал на самое видное место – на свободное пространство между стройными рядами школьников и крыльцом-трибуной.

-Рома!!! Рома!!! Где ты тут?! Где седьмой «А»?!!! – закричал он.

Я понял, что молчать и прятаться нельзя (будет еще хуже), поэтому поднял вверх мигом вспотевшую ладонь и, сгорая от стыда, откликнулся:

-Дед, я здесь, не кричи.

Дедушка разом достал из кармана свою «мыльницу» прошлого века выпуска и принялся шелкать меня со всевозможных точек-ракурсов: то справа, то слева, то сверху. А так как я стоял не в первом ряду и даже не во втором, он потребовал от меня выдвинуться вперед, к нему поближе.

-Расступитесь, огольцы, дайте внука сфотографировать. Роман, выходи! Встал, понимаешь ли, позади всех, лицо отвернул! – грохотал дед, даже протянул ко мне руку, намереваясь схватить и выдернуть на всеобщее обозрение. – Ты почему без цветов?! Возьми у девочки цветы. Надо же тебя с цветами запечатлеть!

На него и, соответственно, на меня смотрели все! Вся школа, все родители, все бабушки-дедушки, коих в этот день отметить Первое сентября собралось невиданное количество.

И самое ужасное: на меня смотрел наш новый директор, которому мой «делегат» мешал начать произносить торжественную речь. Смотрел пристально и гневно, запоминая «Рому» из 7 «А» на всю оставшуюся жизнь.

Еще бы чуть-чуть и от такого позора я скончался. Но мое отныне никчемное, бесперспективное существование спасла Полина Викторовна. Она решительно потребовала от деда «свернуть фотосессию» и отойти на положенные метры в отведенную для зрителей зону.

Конечно, после такого начала «праздника» я долго чувствовал себя омерзительно, перед глазами плыл туман, а каждое слово выступавших отдавалось в голове как удар колокола: «Новый... Бум!.. учебный... Бам!.. год... Бум!..»

По окончании нестерпимо долгих торжественных речей всех школьников развели по классам на «Урок мира», дед же, судя по всему, отправился к нам домой. Ключи от нашей квартиры у него имелись.

Дрюня, Серж...

Спустя два с лишним часа я, Дрюня и Серега сидели в детском городке за школой и делились летними впечатлениями. Сначала Серж красочно описал то, как он ездил к родственникам в Белоруссию, потом я в двух словах обрисовал обстановку в Италии. Вдаваться в подробности, живописать, как Серега, не хотелось. Как-нибудь в следующий раз.

Единственно Дрюне, который без меня ни в какую археологическую экспедицию не поехал и, кажется, вообще провел все лето на окраинах города, удивить аудиторию было нечем. Он долго этим обстоятельством мучился, пока не выдал:

-А я в Калифорнию мотался!

-Брешешь ведь, Маевский, - лениво откликнулся Серый. – Брешешь.

«Маевским» Дрюню называли все подряд, даже учителя, потому, что он безбожно не выговаривал букву «р». Она выпадала практически из всех произносимых Дрюней слов. Вот он и представлялся: «Анд`ей Ма`евский».

-Да уж, - поддакнул я Серому.

-Нет, не брешу! – заартачился Дрюня. - Мы с папой туда ездили.

-На чем?

-На самолете. А320.

Незадолго до этого указанная модель пассажирского авиалайнера была упомянута лично мною в рассказе про Италию, про то, как я оттуда возвращался.

-На самолете они ездили! А твой папа за рулем сидел! Или педали крутил? – засмеялся, затряс головой Серый, отлично понимая, что Дрюня врет. Завидует нам, побывавшим за границей, оттого и врет. - Ну, и зачем вы туда ездили на самолете А320?

-Папе по работе было нужно.

-Ага, он и тебя взял, да?

-Да! – Дрюня уже осознал, что зря насочинял про Калифорнию, но отступить и не думал. Он парень твердый, кремьень, если упрется, так упрется, не своротишь – скала под ветром! Вот и сейчас, понял, что насчет Калифорнии по глупости брякнул, но от сказанного уже ни о чем не отступится. Так и будет до окончания школы на своем стоять. А то и всю жизнь не расколется.

-В Голливуде были? – ехидно поинтересовался Серега.

-Мы были в Лебеке, Гринфилде, Окснарде, Рино и Лос-Анджелесе!

Ну, теперь все окончательно ясно! Сто процентов Дрюня ни в какой Калифорнии не был. Я думаю, он вообще слабо себе представляет, где находится эта самая Калифорния, поскольку «плавает» в географии как цветок в проруби, а все эти города - Лебек, Гринфилд, Окснард - взял из своей любимой компьютерной игры «Дальнобойщики». Эх, ты Дрюня!

Я, жалея друга, никаких вопросов ему задавать не стал, да и Серега отцепился, погрузившись в свой обычный транс - на время позабыл о нашем с Дрюней существовании.

Серж периодически «отключается», если можно так выразиться. Начинает думать о своем, более важном, чем все остальное вокруг происходящее. Он даже на уроках так делает. Может с самого утра прийти в школу в «потустороннем» состоянии. Учителям кажется, что Серый просто толком не проснулся, но мы-то с Дрюней, его старинные приятели, знаем: здесь дело в ином! В нестандартной работе мозга нашего задумчивого друга.

Помню, поставили нам как-то в начало дня сразу два урока математики. Ее наша классная ведет. Первый урок Серега – он в состоянии жесточайшего транса тогда явился - просидел тихо, незаметно, даже писал что-то. А в начале второго, после перемены, только Полина в класс вошла, очухался, встал по стойке «смирно» и отчеканил:

-Здравствуйте, Полина Викторовна!

-Горенко, - вздохнула Полина, - милый мой, разве мы с тобой сегодня еще не виделись?

Серега нас всех взглядом обвел - а класс от смеха давится, некоторые, самые нестойкие, уже под столы съехали – и только плечами пожал.

-Ты где, родной, весь первый урок был? – спрашивает его Полина.

А Серега опять плечами пожал и сам вопрос задает:

-Здесь?

Тут те из нас, которые еще как-то на стульях держались, поползли к тем, что под столами лежали и ножками дрыгали.

-Похоже, нет, - ответила Серому классная. – Спать ты не спал, я бы заметила, а вот в облаках витал, это точно. Иди-ка, друг, к доске, будем пройденный материал повторять, а заодно на тебе эксперимент ставить. Выясним: помнит ли человек хоть что-нибудь из того, что ему говорили, пока он пребывал в состоянии гипнотического сна?

Эксперимент показал, что человек, пребывавший в состоянии гипнотического сна, а конкретно Серега в своем «трансе», ничего не помнит. Но двойку Полина этому человеку не поставила. Из-за его обаятельности и непосредственности. Она вообще Сержу

благоволит и умиляется, особенно когда он путает буквы в словах и на полном серьезе называет ее «Валиной Пикторовной».

...и Диман

В итоге, уличенный во лжи Дрюня насупился и отвернулся, Серж отключился, а я мысленно возвратился к разговору с Гулей. Попытался представить, что должен чувствовать человек, когда его родная мать все свое внимание переключает на чужого ребенка? Ведь Милана Гулиной маме не дочь. Не родная дочь. А она с ней возится-нянчится, в то время как Гуля – настоящая, родная - стоит где-то в стороне и плачет.

«И я на линейке один был, без родителей», - с необъяснимой горечью подумалось мне, хотя еще утром такое развитие событий радовало...

-О! – громко воскликнул Дрюня. - Смотрите, Диман круги нарезает!

Мы с Серегой очнулись и завертели головами в поисках Димана – Димки Якушева, нашего четвертого товарища. Сразу после урока он куда-то исчез, мы думали, домой свалил, нет, оказывается, здесь ошивается.

У Димки плохое зрение, но очки он принципиально не носит – в отличие от «четырёхглазого» Серегу и меня, одевающего их на уроках. Димка считает, что «бинокли» на лице унижают мужское достоинство: «Очки это – позор!» Вот его позиция, без каких-либо аргументов. А по-нашему, так он просто комплексует.

Из-за своего слабого зрения Диман вечно теряет координацию в пространстве и попадает в нелепые ситуации: куда-нибудь врезается, роняет ценные вещи, опрокидывает прохожих и мебель. Однако при всем при этом упорно не сдается, к помощи оптических приборов прибегать отказывается. Мы ему советовали контактные линзы носить, но он и их отвергает. Трагикомедия, одним словом!

Вот и сейчас, шурясь изо всех сил, Димка практически на ощупь выискивал нас среди толпы.

-Диман! – крикнул, сжалившись над ним, Серж. Даже для верности свистнул.

Сжалиться то сжалился, но первым делом, как только наш близорукий дуралей подвалил, поинтересовался:

-Как здоровье?

-Нормально, - безразличным тоном сообщил Димка. - А что?

-Зрение как? Лучше?

-Да видел я вас! А не сразу подошел, потому что Пашку Лыжина искал, он мне с прошлого года сто рублей должен.

-Пашка всем должен, поэтому его здесь и нет, прячется. Ты тень на плетень не наводи, про зрение свое расскажи, - не унимался Серега. – Вон ту птичку на трубе видишь?

А не унимался Серый потому, что еще в мае Диман объявил об имеющейся в его распоряжении чудодейственной методике, позволяющей исправлять зрение за пару месяцев. Шестидесят дней и оно – зрение - якобы становится стопроцентным! Мы сильно засомневались, потому что не поняли, в чем состоит суть волшебного излечения. То ли это упражнения какие, то ли уколы вперемешку с заклинаниями: «Крибли-крабли-бумс!» Слишком Диман темнил. Темнил и беспрестанно задавался, угрожая нам своим скорым исцелением.

-Вот увидите! – горячился он. – Осенью буду нормально видеть! Четко. Лучше вас, это точно!

В принципе, Димка кипятится по любому поводу. А уж то, что мы с Серым в отличие от него своих очков не стесняемся, ни от кого их не прячем, выводит беднягу из себя основательно.

Диман, Диман! Мы свое отстеснялись! Серега, так тот еще в детском саду все проблемы решил. Он, когда там первый раз в очках на публике появился, сразу объявил: «Если кто будет смеяться и меня очкариком называть – убью!» Я тоже зря нервы не трачу, иных забот выше крыши. Больше переживать не о чем? Тем более мама говорит, что очки мне исключительно к лицу: «Сразу видно – интеллигентный человек, не то, что наш папа, которому они, извините, как корове седло».

В общем, мы очки носим спокойно и даже с достоинством, а вот Диман так не может. И бесится.

-О кей, - сказал тогда, перед каникулами Серега. - Если что дельное из твоей методики выйдет, я и Ромка следующие на процедуры. Мы свое поражение признаем, не гордые.

Вот так, а сегодня мы имели честь наблюдать, как по-прежнему подслеповатый Диман, не смотря ни на какие двухмесячные «крибли-крабли», не может нас, своих лучших друзей опознать на расстоянии сорока шагов. Даже меньше.

Керосин

-Я неделю назад был у врача, - презрительно ответил Димка на Серегино предложение рассматривать птичку на трубе, - и он сказал, что зрение у меня улучшается, понятно? Да ну вас!

-Как всегда сникерс ел? Все лицо в шоколаде, – желая остудить накалившуюся обстановку я перевел разговор в другое русло. Разнимать Сержа и Димку – наша с Дрюней судьба.

-Не-а, мороженое. Шоколадное, - Диман повозил ладонью по губам и подбородку. – Все стер или что-то осталось?

-Осталось, - отозвался Серый. – Видишь, мухи к тебе липнут.

В самом деле, возле Димкиной головы кружила несимпатичная толстая муха.

-Пшла отсюда! – Димка замахал руками как пропеллер лопастями, и навязчивое насекомое ненадолго исчезло из нашего поля зрения.

-Где она? – тотчас «распереживался» Серега. – Ты ее убил! Как ты мог?! Это же последняя муха сезона! А, вот она, живая, невредимая, ко мне жаловаться прилетела! Чувствует, что я из Гринписа.

Серый острил, а мы, поддавшись его природному обаянию, улыбались как слабоумные, и следили за мухой, которая опустившись на скамейку, стала тереть лапку о лапку.

-Диман, смотри! – радостно завопил Серега. - Твоя муха после тебя руки моет!

Димка вспыхнул, но до стычки дело не дошло, потому что за миротворчество лихо взялся Дрюня:

-Диман, ты куда после урока делся? Я тебе дозвониться не мог, что у тебя с телефоном?

-Я его вчера разбил.

-Как тебя угораздило?

-С балкона уронил.

-Ты что не видел, что там высоко? – снова встрял Серый. - Теперь новый покупать будешь?

-Не-а, мне завтра старый отремонтируют. Я уже двенадцать тысяч мастеру заплатил. Серега заржал и демонстративно «упал» со скамейки.

-Знаешь, сколько за двенадцать тысяч можно новых телефонов купить?

-Планшет даже, - некстати поддакнул я.

-А ну вас! – огрызнулся Диман. - Вы знаете, что Салтанова фамилию поменяла?
-Замуж вышла? – спросил Серега. Но ответа не дождался – ему кто-то позвонил, и чтобы спокойно поговорить, он отошел от нашей шумной компании.
-Да ты чо?! Фамилию поменяла?! – Дрюня аж подпрыгнул. – Пацы, ничего себе! Это как?
-Ее усыновили, - доложил Диман. – Она теперь Герасимова.
«Черт! - чертыхнулся я про себя. – Черт!» Разговор посторонних о Гуле был мне неприятен.
-Надо ей новую кликуху придумать! Ха-ха-ха! – Дрюня продолжал непонятно чему радоваться. – Герасимова... Герасимова... Может, «Му-му»? Герасим – Тургенев – Му-му.
«Му-му» Диман не одобрил. Скривившись, помотал головой: «Чересчур умно, не все поймут».
-А как? – Дрюня наморщил лоб и стал менять ударения в новой Гулиной фамилии: - ГерАсимова, ГерасимОва, ГерасИмова...
-И кто у нас Керасимова? – спросил вернувшийся Серега.
-Точно! – заорал Диман. – Керосинова! Керосин!
-Керосин! – подхватил Дрюня. – Керосин!
Господи, как мне было плохо! А Дрюня продолжил истошно орать, будто психованный:
-Керосин! Керосин!
-Ну, что ты разорался? – не выдержал я. - Она тебя все равно не слышит.
-Слышит! Вон она идет! Салтановааааа! Герасимовааааа! Керосииииин!

Что случилось?

До чего же я был зол! На Димана, узнавшего, что Гуля поменяла фамилию, на Дрюню-попугая, на некстати встрявшего в разговор Серегу... На себя, черт возьми!
-Сейчас приду, - выдавил я сквозь зубы и, стараясь не сорваться на бег, на прямых как палки ногах заковылял в сторону Гули, шедшей с понурой головой к своему дому.
Как же жалко она выглядела! Нелепый темно-зеленый с розовыми карманами рюкзак (я сразу решил, что такую идиотскую вещь ей мог купить только отчим, тот, кто Гулю ни капельки не любил), немодная длинная юбка, растрепанные волосы. «Керосин! Керосин!» - звенели в ушах противные Дрюнины крики...
Мимо меня с воплем: «А я знаю, кого он любит!» пронесся сумасшедший второклашка, но дотянуться до него, чтобы отвесить подзатыльник не удалось.
-Керо... – неожиданно вырывалось и у меня. Черт! Уже привязалось! А что будет дальше?! Я-то себя смогу контролировать – не называть Гулю этим отвратительным прозвищем, а остальные в нашем классе? Нет, они не смогут, и для нее жизнь, без того несладкая, превратится в сущий ад.
-Гуль, - исправился я. – Подожди.
Остановившись, она подняла голову и посмотрела на меня полными слез глазами.
Я вдруг растерялся, не в силах сообразить, о чем спросить? О Милане? Нет. О Герасимове. Нет.
-Что случилось? – «нашелся», наконец, я.
-Ничего.
-Но ты плакала.
Гуля покачала вновь опущенной головой и хотела отвернуться, но потом словно опомнившись, вскинула на меня какой-то мученический взгляд и заговорила. Быстро-быстро, захлебываясь и всхлипывая.

-Я через перекресток хотела перейти, - она махнула рукой, показывая туда, где на границе нашего района пересекаются два скоростных шоссе, - а на дорогу котенок выбежал. Маленький, рыженький. Он за воробьем охотился. А воробей как будто с ним, глупым, играл. Отлетит немного и сядет. Котенок к нему подбежит, а воробей опять отлетит чуток в сторону и снова сядет, на котенка смотрит. Они сначала у обочины играли, а потом воробей на дорогу улетел. А рыжий дурачок за ним! Мне так страшно стало, что его задавят! Он ведь совсем-совсем маленький! А я его забрать с дороги не могу, и позвать не могу! Потому что я на одной стороне, а они с воробьем на другой. Я подумала, вдруг, когда я его позову, он ко мне через всю дорогу побежит и... Тогда я в переход... чтобы на другую сторону...

В этом месте Гуля остановилась и закусила губу. Потом продолжила, но уже спокойным, даже безжизненным голосом:

-Я еще думала: разрешит ли мне мама котенка домой принести? Она мне раньше никогда не разрешала, у нее аллергия на кошек. А когда я на ту сторону перебежала, его уже сбили...

-Сбили? – задал я совершенно ненужный, бестолковый вопрос, тупо повторив последнее Гулино слово.

-Угу... Он же такой крошечный... Он там так и лежит... Я больше туда не пойду... Никогда...

И она зарыдала.

Дед и Самопал

Мысли как огромная стая птиц закружилось в моей голове:

«...«Я туда не пойду» ...кажется, я сегодня это уже слышал. Ах, да, так сказала мама, когда узнала, что у нас в подъезде крыса... господи, как жаль котенка, ему до счастливой жизни не хватило нескольких секунд... просто Гуля не успела на другую сторону...»

-А что ты там делала? – я попытался вернуть себя и Гулю к действительности. - У перекрестка.

Ответа не последовало.

-Ты еще не ходила домой?

И этот вопрос остался без ответа, впрочем, я и так понял, что домой после школы Гуля не ходила.

-Почему?

Гуля перестала всхлипывать и задумалась, казалось, решала для себя: можно ли со мной говорить серьезно? Потом сухо произнесла:

-Мама, отчим и Милана пошли в парк.

-А ты?

-Я сама не захотела...

И здесь появился дед.

Неожиданно, из-за спины, как всегда не вовремя.

-Ты девочку обидел? – грозно спросил он. На всю площадку гаркнул!

-Не я. Подожди, дед, - взяв Гулю за руку, я оттащил ее в сторону. - Иди сейчас домой... хорошо? У тебя есть ключ? Очень хорошо. Я позвоню. С дедом разберусь и позвоню. Хорошо?

Гуля кивнула и поплелась в направлении своей девятиэтажки.

Дед, опешивший от того, насколько мало внимания я ему уделил, поначалу безмолвствовал, но когда очухался, разразился пространной негодующей речью:

-К нему дедушка в гости пришел, сидит который час в одиночестве, ждет внука, скушает, а разлюбозный внучок по улицам шляется, дурака валяет, с девчонками шашни крутит!

Господи, что это?! Очередной нагоняй?! Я что?.. сразу после школы, не погуляв, не пообщавшись с друзьями, которых не видел целых три месяца, должен был нестись туда, где меня ожидает Его Величество Мой Дедушка?! Сломя голову и в любую точку земного шара, так что ли?!

Мне захотелось высказать это деду в лицо, но ведь... Не поймет он! Не захочет понять!

-Пошли, - вздохнул я, даже не посмотрев в сторону Сержа, Дрюни и Димана. Дескать: «Что смотреть-то?» А надо было! Ой, как надо!

Эти оболтусы давно переключились с меня и Гули на компашку неразумных пятиклассников под предводительством самого безбашенного ученика нашей школы Генки Самопала (однажды Генка поджег раздевалку своего класса, за это получил такое прозвище). Не найдя себе места на земле, пятиклашки взобрались на соседние с площадкой гаражи и затеяли там какую-то возню. То ли драку, то ли догонялки. Моим товарищам, судя по всему, захотелось вспомнить детство голопузое, и они полезли на гаражи вслед за Генкиной бандой.

-Эй, хулиганье! – закричал дедушка. – Кто вам разрешил по гаражам лазить?! А ну слезайте немедленно!

Я закрыл глаза: «Этого только не хватало! Ну почему дед так любит наводить порядок, особенно там, где его не просят?!»

-Слезайте, я вам приказываю! – продолжал надрываться дедушка. – Я знаю директора вашей школы, я все расскажу ему о вашем поведении!

Интересно, за знакомство с директором дед посчитал ту ужасную сцену на торжественной линейке? Когда его просили удалиться и не мешать проведению мероприятия? Хотя, это не важно. Важным было то, что угроза пожаловаться директору школы не возымела никаких действий. Особенно на Самопала. Этому типу все по барабану. Генке не страшны ни милиция-полиция (скорее они от него шарахаются, как от огня), ни собственные родители, ни старшекласники, ни учителя, ни директор, ни тем более мой дед.

-Ну и кто у нас директор школы? – прокричал Самопал, бесстрашно взирая из-под небес на скандального старикана в смешной соломенной шляпе. Прокричал и в ожидании ответа замер в классической позе закоренелого пофигиста – левая нога вперед, руки в карманах, на лице презрительная ухмылка. То есть наглядно демонстрировал окружающим свое неоспоримое над дедом превосходство.

Надо отдать должное, в такой позе да на крыше самого высокого гаража, Генка производил солидное впечатление.

И здесь дед в конец опозорился. Сам опозорился плюс подставил меня. Стал тонуть и внука за собой потащил. Вместо того чтобы сказать первое пришедшее на ум имя-отчество, например, Иван Петрович – никто же еще с новым директором не знаком! – дед обернулся в мою сторону и спросил:

-Роман, как зовут вашего директора?

От стыда я готов был провалиться сквозь землю.

-А, Ромыч! – обрадовался величественный Самопал. - Так это твой пенс?! А я-то не в курсах был, чей клоун на линейке зажигал!

Дед еще что-то кричал, угрожал, размахивал руками и, кажется, даже поднял с земли палку...

Но я уже почти ничего не слышал и не видел. Понурился головой, точно так же как совсем недавно Гуля, я шел домой. Меня душили слезы.

Тайны мадридского двора

Хорошо, что мама вернулась с репетиции. Не знаю, как бы мы общались с дедом и что бы я ему наговорил, когда он вслед за мной появился в нашей квартире. Появился и сразу же захотел учинить «разбор полетов» – почему я его там, у гаражей не поддержал, почему «позорно сбежал» и где моя сознательность? Сознательность, совесть, смелость и прочее, прочее, прочее...

Но я предусмотрительно заперся в ванной и правильно сделал. Меня трясло как в лихорадке, мне срочно требовалась передышка.

-Выходи, поговорить надо! – дробно постучав в дверь, потребовал дед. На это я включил воду и срывающимся голосом ответил, что принимаю душ.

-Скажи мне, как фамилии этих наглецов?! - кричал дед. – Я немедленно пойду разбираться! В школу, к их родителям! Спускать с рук подобные безобразия нельзя! Нет, но почему ты удрал? Трус! Ты что же, их боишься?!

В конце концов, пришла мама и кое-как его утихомирила, попросила оставить меня в покое, после чего я собрался с силами и вышел из ванной. Ну, ничего, когда-нибудь я выскажать деду все, что о нем думаю... уже, наверное, скоро... выговорюсь. Все скажу! Все!

-Садись, сейчас чай с тортом пить будем, - сказала мне мама, но я отказался:

-Потом. Пойду, полежу, голова заболела.

-Кто это днем на постели валяется?.. - начал было дед, но мама его одернула, и он отцепился.

Уединившись в большой комнате, я рухнул на диван и стал старательно прислушиваться к тому, что говорит телевизор – лишь бы избавиться от каких-либо мыслей. Не удалось. Потому что поблизости снова образовался дед, заслонив собой большую часть экрана. Не пьется ему чай с тортом!

-От телевизора к компьютеру! От компьютера к телевизору! - принялся он укорять меня в очередной раз. - И так зрение отцовское, никудышное, так ты его еще больше портишь!

Что надо было ответить? Что он сам меня с улицы увел, погулять не дал? Но я вновь промолчал.

-Что хоть смотришь?

Я пытался смотреть документальный фильм «Жизнь после людей».

-О чем?

-О том, что будет с нашей планетой, если люди исчезнут.

-Ерунду всякую смотришь!

-Конечно! – вырвалось у меня. Негромко, но вырвалось!

-Скворешня! – немедленно ответил дед. – Я тебе говорю: ерунду!

Но почему ерунду?! Почему?! Этот фильм посмотрели миллионы человек во всем мире. И большинству он понравился. Наверное, эти люди не глупее меня и деда?

-Давай собирайся, в кинотеатр пойдем. В честь праздника.

-В какой? – воспрянул я. Кинотеатр это здорово! А если еще дед попкорн и колу купит! Хотя, наверное, не купит, скажет, что кола и попкорн это вредно, что ими нас американская военщина травит. Но даже, если не купит...

-В «Смену». Я узнал, там сегодня хороший, отечественный фильм идет.

Во мне все упало. Как пару мгновений назад встрепенулось, так и упало. «Смена» - это наш районный, узкоэкранный «социальный» кинотеатр. Бывают магазины «социальные», для малоимущих слоев населения, где продукты дешевые, но... как бы это

помягче сказать... не всегда аппетитные, а «Смена» - «социальный» кинотеатр. В нем показывают старые фильмы за умеренную плату. Детям и пенсионерам скидка.

-Какой хороший фильм? – хмуро спросил я.

-«Тарас Бульба».

Да, фильм действительно хороший, только я его давно посмотрел.

-Ничего, - ответил на это дед, - еще раз посмотришь. Тебе полезно знать нашу историю.

Здесь я вышел из себя конкретно. Да я знаю и «нашу», и «не нашу» историю лучше деда во сто раз! Я такое могу рассказать!.. Я! Я! Я чуть не задохнулся от возмущения!

Конфликт вновь предотвратила мама.

-Опять ругаетесь? – строго спросила она. – Скучно вам друг без друга?

-Разочаровался я во внуке! - заявил дед. – Не нужен я ему. На улице вместо того, чтобы меня от хулиганов защищать, с девчонками калякает! Успеешь еще с девчонками-то! Может, дед скоро помрет, а ты...

-Папа! – сморщилась, словно откусила кислого щавеля, мама. – Я тебя умоляю! Рома, что за девочки?

Хорошо, что она спросила об этом спокойно, без издевки.

-Была там одна «матрёна» растрепанная, - опередил меня дед. – Слезы лила не переставая...

-Неправда! Она не «матрёна»! - возмутился я.

-Это Гуля? – все сразу поняла мама. И посерьезнела. – Рома, это она?

Пришлось кивнуть.

-Пап, иди на кухню, я сейчас, - мама взяла деда за плечо и повернула к выходу из комнаты. – Мы здесь один важный вопрос порешаем.

-Что это вы меня выгоняете?! – деду ужас как не хотелось уходить. Тут, понимаете ли, какие-то «тайны мадридского двора», а его на кухню отправляют! – Я тоже хочу участвовать, может дельный совет дам?!

-Пап, потом как-нибудь дашь. У нас с Ромой внутрисемейный разговор.

-А я что?! Не ваша семья?! – дед крепко застрял в дверях. – Мне, что, нельзя послушать, о чем вы говорите?! Мне здесь все можно!

И все-таки мама выдворила его на кухню, после чего тихо сказала:

-Ром, мы же договорились, как можно меньше общаться с Гулей. Ты и отца подводишь, и... ты же сам говорил, что она дефективная.

-Я просто спросил, почему она плакала.

-Ну, и почему она плакала?

-На ее глазах машина котенка задавила.

Мама помолчала, потом обняла меня и погладила по голове.

-Пойдем пить чай. С тортом.

-А можно я к Дрюне пойду? Ему новую игру подарили.

-Это тот, который по гаражам лазил? – закричал из кухни дед. Слух у него подстать маминому. – И вообще что это за клички у вас? Дрюня, Хрюня... Тебя тоже как-нибудь по-свинячьи называют?

-Пап, прекрати! - попыталась оградить меня от дедушкиной агрессии мама. – Как будто в твоё время прозвищ не было.

-Не было! Мы всегда друг друга только по именам называли: Михаил, Леонид, Александр. Мы в наше время относились к товарищам с уважением, а особенно к старшим, к дедушкам и бабушкам! Люди раньше добрее были! Порядочнее!

-И вода мокрее, - пробормотал я.

-Тсс! – улыбнулась мама, приложив к губам указательный палец. – Тебе точно ничего не задали? Точно? Тогда ладно, иди, играй. Сколько у нас сейчас времени? Ух ты,

почти шесть уже?! Ладно, иди, но не допоздна, договорились? И, пожалуйста, учти, это я только сегодня такая добрая. С завтрашнего дня будешь у меня учиться, учиться и учиться! Вгрызаться в гранит науки.

Выскочив из подъезда, я немедленно набрал номер Гули.

-Да, - выдохнула она в трубку.

-Ты дома? Выходи! Я на тополях. Быстрее.

Гуля прибежала к спиленным тополям через пару минут.

-Твои все еще гуляют? – спросил я ее.

Она кивнула:

-Поздно вернутся, после парка в гости к бабушке Миланы поедут.

-А хочешь, я тебе нашу дачу покажу?

Курихаар

Наша дача от города в сорока двух километрах. Если своим, «безлошадным» ходом, то сначала на междугороднем автобусе полчаса, а потом почти час пешком. С непривычки кажется, далеко и долго, но на самом деле «в пределах видимости», как шутит папа. Было бы желание! У моих друзей дачи или еще дальше, или их вовсе нет.

-Только ты сейчас никому не звони, не говори, что мы туда поехали, - попросил я Гулю, после того, как она согласилась на мое неожиданное предложение. – Доберемся до места и позвоним. Иначе они нам все испортят...

«Они» - это были не только Гулина мама и Герасимов, но и мои родители за компанию с дедушкой.

-...Пусть они здесь свой праздник празднуют, а я тебе Остров покажу! И реку. Река в наших местах знаешь, какая широченная! Я тебя на лодке прокачу.

До автостанции мы добрались быстро, минут за двадцать. Там я посадил Гулю на лавочку рядом с безобидного вида старушкой, строго приказав никуда не уходить, а сам пристроился в очередь во вторую кассу, в которой продавали билеты на автобусы нашего направления.

Я никогда раньше не покупал билеты на междугородние автобусы. Да что там! Я вообще раньше никуда самостоятельно не покупал билеты, ни в кино, ни на аттракционы, никуда! Стеснялся, черт побери! Смешно сказать - боялся!

-Сто пятьдесят рублей! А помельче нет?! – рывкнула кассирша, хватая мою «тысячу». – Чем я сдавать буду?! Нет у меня сотенных!

Но, пошумев для порядку, она насобираала всякого рванья и отдала мне вместе с билетами, даже не спросив, куда это я – по виду не совсем совершеннолетний мальчик – ехать собрался? Наверное, подумала, что второй билет я беру для своего пожилого попутчика, который с большими ногами на чемодане сидит, потому что ему в очередях стоять тяжело. Или ничего не подумала. Не ее это работа, следить, кто, куда и в каком возрасте едет. Ее работа деньги считать, деньги важнее.

А тысячу рублей мне еще накануне папа дал.

-Вот, держи, - сказал он. – Это тебе от бабушки с дедушкой...

Имелись в виду мои дальневосточные бабушка с дедушкой.

-...на Первое сентября! Велено передать, что я честно и делаю. Только ты эти деньги на всякую дребедень не трать, лады? Мы на них тебе что-нибудь полезное купим.

На лавочке с безобидной старушкой Гули не оказалось. Я закрутился, заметался, даже хотел кричать: «Гуля! Ты где?!», ведь до отправления автобуса оставалось всего ничего, но, слава богу, кричать, привлекать к себе внимание не пришлось - спустя минуту я обнаружил свою спутницу стоящей на улице у входа в вокзал.

-Куда ты ушла?! Я чуть с ума не сошел! Побежали, автобус уже на посадку подали.

-Смотри, - придержала меня за рукав Гуля.

Я обернулся и сразу все понял.

В нескольких метрах от входа усталая женщина предлагала котят. Вернее, одного. Одного у нее оставшегося. Рыжего!

-Курцхаар, европейский курцхаар. Лучший крысолов. Отдам в хорошие руки, - протяжно повторяла женщина, а рыжий карапуз ворочался у нее на ладонях, щурился и слабо подмякивал: «Возьмите меня, я хороший, я крысолов, я хочу в тепло...»

-Пойдем, спросим, - решительно сказал я и направился к владелице рыжего страдальца.

«Если Гуле не разрешат держать дома котенка, - думал я, - в лепешку расшибусь, но уговорю маму взять курцхаара к нам. В конце концов, с таким охотником можно жить спокойно – ни одна крыса близко к двери не подойдет! А специально для Гули буду выносить его на улицу, пусть она там с ним играет. Когда захочет. Хоть каждый день».

Подойдя, Гуля заглянула в глаза улыбнувшейся нам женщине и аккуратно, словно опасаясь чего-то, погладила писклявого курцхаара по голове.

-Можно мы его возьмем? – спросил я.

-А вы одни, ребяташки?

-Сейчас одни.

Хозяйка котенка удручено вздохнула.

-Я бы отдала... - она еще раз вздохнула. – Но вы лучше с мамой завтра приходите. Я сегодня уже настоялась, завтра после обеда снова приду. Вы маму приводите, ей я отдам.

Я заметил, как из Гулиных глаз вот-вот потекут слезы.

-А если мы завтра не сможем? Давайте, вы его никому отдавать не будете, потому что мы его обязательно заберем! Обещаем! Вы запишите номер моего телефона, а я ваш запишу...

После того, как все номера были записаны, а добрая женщина, положив «рыжика» в корзинку, покинула автостанцию (мы проследили!), я и Гуля рванули к автобусу.

Позвонючерезчас

Повезло, не опоздали - посадка еще не закончилась.

-Вы одни? – недовольно спросил проверявший билеты водитель. Почти слово в слово повторил вопрос хозяйки маленького курцхаара. – Без никого?

-Мне уже четырнадцать, - нагло соврал я. – У меня паспорт есть.

-Нас встречать будут, господин шофер, - неожиданно уверенно и четко произнесла Гуля, выглядывая из-за моего плеча. – А здесь бабушка провожает. Вон она.

Я следом за водителем посмотрел туда, куда указала Гуля, и увидел, как незнакомая тетенька весело размахивает руками и сумочкой, в самом деле, провожая кого-то из пассажиров нашего рейса.

-Двадцатое, двадцать первое, - буркнул «господин шофер», указывая нам места, и вернул билеты.

А контролерша и вовсе не захотела ходить по салону. Ей оказалось достаточно честного слова водителя, что все на месте, а безбилетников нет.

Того, что мы сделали, Гуля испугалась только тогда, когда автобус вырвался из небольшого затора перед светофором и, разогнавшись, помчался по широкому шоссе. В незнакомую Гуле сторону. Она тревожно прильнула к окну, потом перевела взгляд на меня: «Ромка, а мы все правильно делаем?»

-Закрой глаза и попытайся заснуть. Когда спишь, дорога кажется короче, - стараясь быть максимально спокойными и убедительным, сказал я.

Так говорила мне мама, когда мы вот так же ездили на дачу на автобусе. Один раз ездили. Раз туда и раз обратно. Обычно мы выбираемся на дачу на машине, но папа в прошлом году сломал руку и где-то с месяц не садился за руль. Потому нам и пришлось путешествовать общественным транспортом. Правда, не всем (точнее, маме) это понравилось.

На предложение поспать Гуля послушно кивнула и повернулась на бок, но глаза не закрыла, я видел. Впрочем, продержалась так минут десять, потом ее укачало-убаюкало, и она действительно уснула. После чего и я откинулся на разложенном сидении, постарался хоть на время забыться, ни о чем не думать. Вот доберемся до дачи, сплаваем на остров, тогда и подумаем, что дальше.

Спали мы очень долго. Поразительно, как долго! Нас только звонок Гулиного телефона разбудил.

-Да, мам... - Гуля спросонья смутно представляла, что происходит, где мы находимся. Она растерянно заморгала, оглядываясь по сторонам, и, прикрыв рот ладошкой, зевнула, - ...нет, я не дома. Мы с Ромой едем к нему на дачу. Нет, мы одни... алло, алло...

Она удивленно посмотрела на свой телефон:

-Разрядился.

Потом перевела взгляд на меня.

Я звонить своим родителям не хотел. Пусть они мне первыми позвонят. Тогда бы я сознался, что поехал на дачу. Только было бы лучше, чтобы это произошло как можно позже.

А вообще, я думал о родителях постоянно: пока мы с Гулей добивались до автостанции, пока покупал билеты, пока садились в автобус. Думал: «Только бы они ни не позвонили! Только бы ничего не испортили!» А то ведь могли заставить нас повернуть обратно, приказать сойти с автобуса, пока он не выехал из города. Если бы приказали, не слушался.

Не позвонили. Но теперь, когда Гулина мама обо всем узнала, увливать уже не имел права. Что же делать? Как быть?

Выход нашелся быстро. Улыбнувшись, без какой-либо тревоги в голосе я сказал:

-Гуль, я сейчас наберу сообщение, все всем объясню, а потом на время отключу телефон. И как только мы окажемся на даче, а окажемся мы там... - я бросил взгляд на часы, - ...через сорок пять минут, я его сразу включу обратно.

Я все еще боялся. Боялся, что мама или папа начнут на меня кричать, разъярятся, а я не выдержу и сломаюсь. Вдруг они захотят, чтобы я передал трубку водителю, а от него потребуют сдать нас в полицию в ближайшем населенном пункте?

Поэтому я торопливо и с ошибками (но исправлять было некогда – родители, в самом деле, вот-вот могли опомниться) набрал смс-ку: «Мы сгулей едем к нам на дачу не волнуйтесь позвонючерезчас». Отправив сообщение на мамин телефон, я стремительно отключил сотовый.

-Вот и все! Дело сделано! – «обрадовал» я Гулю. - Не переживай.

Но Гуля все равно переживала. Сказала, что мама ей этого не простит и все такое прочее:

-...она, наверное, уже плачет...

И сама заплакала. Не навзрыд, а как бы про себя, чуть слышно. Хорошо, что очень скоро мы приехали.

Еще немного, еще чуть-чуть

На то, что нас никто не встречает, строгий водитель даже не обратил внимания. Значит, правильно папа говорил: «Ромка, у всех свои заботы. Никому из посторонних до тебя дела нет!»

От автостанции до нашей дачи мы совсем недалеко, около пяти километров. Полпути - через село, а потом вдоль соснового леса и садовых участков. И дорога при этом ни капельки не петляет, все прямо и прямо. До самой Реки. Идти совсем не страшно. Даже вечером.

-Тихо как-то, неуютно, - сказала Гуля. И поежилась. – Далеко еще?

-Как говорится, *еще немного, еще чуть-чуть*. Неужели ты замерзла? Потерпи, сейчас придем. Придем, я чай заварю. Странно, что ты замерзла. Вроде не холодно...

Я опомнился, понял, что Гулю надо отвлечь, и стал болтать без умолку, рассказывая обо всем, что у меня с нашей дачей связано.

Про соседскую трехцветную кошку Лизу, с которой можно подружиться, если ее беспрестанно гладить и ласкать, а она в знак благодарности поймает и принесет к вам в дом мышшь...

...Про забавную птичку варакушу с синей грудкой и рыжим хвостиком, похожую на большого воробья; варакуша мастерица других птиц передразнивать, не хуже соловья поет, отчего их часто путают...

...Про чайника – маленькую чайку, что живет недалеко от нашей дачи; он как будто потерял семью и до последних дней лета ни к одной стае не прибился, не нашел товарищей, а ведь надо – пора улетать на юг...

И только я сказал: «Пора улетать на юг», как над нами закричали чайки. Из последних, задержавшихся. Печально так закричали, гортанно, картаво.

-Несчастный... - прошептала Гуля, наверное, имея в виду чаенка. – А куда они улетают?

-На море. Черное, Каспийское, даже на Средиземное! В Италию.

Гулино лицо просветлело: «В Италию!»

-Ром, а ты знаешь историю про Золотого мальчика? Помнишь, нам Ольга в лагере всё хотела рассказать, да не собралась.

-Помню, - вздохнул я: «Эх, не совсем подходящая история, грустная...»

Но деваться некуда, надо рассказывать.

- Ну-у... в общем.. близилось Рождество...

Золотой мальчик

Близилось Рождество. Правитель Милана герцог Лодовико Мария Сфорцо, прозванный Моро – «мавр» - за необычайно темный для северной Италии цвет кожи, готовился встретить наступающий 1497 год. Встретить с невиданным размахом.

Во-первых, праздничной трапезе и балу должна была предшествовать большая придворная охота. Это занятие герцог обожал, едва ли не больше всего на свете. Особенно памятной ему была охота четырехлетней давности, устроенная в честь приезда русского посольства. Предстоящая же – новогодняя – обещала ни в чем той, «русской» не уступить.

Потом намечался сказочный ужин для нескольких сотен именитых гостей. Готовить его предстояло лучшим поварам Италии, Франции, Испании и даже Персии! Моро довольно причмокнул губами, предчувствуя волшебный вкус лакомств, которые в скором времени будут поданы на стол!

И наконец – венец праздника – великолепный бал с поразжающим воображение представлением. В том, что представление сразит гостей наповал, герцог не сомневался – подобными вопросами в подвластном ему Милане занимался сам Леонардо да Винчи! Леонардо вот уже четырнадцать лет служил у могущественного Моро архитектором, гидротехником, инженером гражданских сооружений и конструктором военных машин. А по совместительству – художником и человеком, воплощавшим в реальность любые, самые фантастические замыслы своего хозяина.

Да! встреча Рождества виделась герцогу в самых радужных красках. Но все же не она послужила главным поводом для организации роскошнейшего праздника. Сорокачетырехлетний Лодовико страстно желал угодить своей молодой супруге Беатриче д'Эсте.

Беатриче д'Эсте, герцогиня де Бари – одна из красивейших принцесс Европы – стала супругой герцога... страшно сказать!.. в пятнадцать лет, в январе 1491 года. И все годы своего замужества она безутешно скучала. Скучала и капризничала. Особенно несносной герцогиня стала в последнее время – Беатриче ждала третьего ребенка.

-Леонардо! Мы должны поразить всех! – Моро нервно прохаживался по залу, где предстояло провести грядущее новогоднее торжество. Герцог сильно нервничал, в отличие от своего выдающегося инженера, который преспокойно сидел на скамье у стены, и время от времени улыбался.

-Всех или герцогиню? – уточнил проникательный да Винчи.

-Разумеется, герцогиню! А заодно и всех остальных, раз уж я их пригласил.

-Не переживайте, монсеньор. Все будет так, как вы запланировали. Представление будет грандиозным. Мы достойно восславим наступающий Золотой век, эпоху, так сказать... заново рожденного мира, эпоху Возрождения... А что, монсеньор? Неплохо звучит! Эпоха Возрождения!

-Но все ли готово?

-Безусловно! Кузнецы закончили Рыцаря.

Под руководством и по проекту Леонардо лучшие кузнецы Милана создали огромную фигуру рыцаря, закованного в металлические латы. По замыслу да Винчи этот рыцарь должен олицетворять страшное прошлое Европы, ее бессердечный «железный век», время беспощадных, зачастую бессмысленных войн. В начале бала из распластанного на полу (как бы - поверженного) монстра появится прекрасный юный мальчик с крыльями и лавровой ветвью в руке. Мальчик, символизирующий наступающий Золотой век мира и просвещения. Эпоху Возрождения, как сказал да Винчи.

-Нашли мальчика? – спросил герцог.

-Монсеньор! Вам не стоит забивать себе голову такими пустяками! Тем более, мальчик давно найден. Это - сын вашего пекаря.

-Хорошо. Однако у меня появилась новая мысль, Леонардо! Пускай мальчик предстанет обнаженным! Покройте его золотой краской, тогда он будет более похож на...

-Но, монсеньор! – неучтиво прервал своего покровителя да Винчи. – Ведь сейчас зима! Во дворце очень холодно! Ребенок может простудиться и серьезно заболеть! Не лучше ли будет, если мы оденем его в блестящее трико...

-Нет, не лучше! – вскипел Моро. – Делайте, как я сказал!

Представление удалось. Появление из чрева рыцаря юного сына пекаря, вернее «Золотого века», поразило публику. Гости с восхищением выслушали приветственную речь мальчик, и еще долго аплодировали гению прославленного Леонардо. Но...

После полуночи герцогине стало плохо. Она внезапно потеряла сознание, Моро покинул гостей, те не посмели веселиться в доме больного и поспешно разъехались по

домам, усталые слуги затаились в своих коморках, погас камин, потухли свечи... и только в дальнем углу темного зала на холодном каменном полу сидел и плакал всем забытый «золотой» мальчик.

-Он заболел и умер? – догадалась Гуля.

-Нет, - солгал я. – Его разыскал отец-пекарь. Он и Леонардо. Они успели вовремя. Хотя, конечно, мальчишка заработал воспаление легких, но все, слава богу, обошлось. А вот прелестная капризная Беатриче, та, ради которой и затевался весь этот пышный праздник, не прожила и нескольких дней.

Рассвет forever!

-Как же мы к вам в дом попадем? – восторженно спросила Гуля. – Разве он не заперт?

-Заперт. Но я знаю, где ключи лежат. Запасные. Когда их еще не было, с нами неприятный случай произошел. Папа тогда все ключи у себя в гараже забыл - мы приехали, а открыть ничего не можем. Ни дом, ни сарай, ни баню. Ох, он тогда и разозлился! Причем больше всего на меня! За то, что я ему не дал «как следует» собраться – «своими глупостями отвлекал». И еще на маму за то, что она «о чем угодно помнит, только не о том, что нужно»! Разозлился, обругал нас последними словами, ломом все замки разломал, потом в поселке новые купил. С тех пор запасные ключи всегда около бани, под дырявой бочкой лежат. В резиновой перчатке, чтоб не заржавели.

-Может уже надо позвонить? – спросила Гуля, едва я распахнул входную дверь дачи.

-Давай сначала на остров сплываем, а потом позвоним. Тогда уже все равно будет.

Я очень хотел показать Гуле Остров. Мой Остров.

Он весь из песка и необитаемый. Только чайки туда-сюда бродят. Самое замечательное, что никому он не нужен. Лежит себе посреди реки преспокойненько. Ни рыболовы, ни отдыхающие к нему не причаливают, они другие, более живописные места предпочитают. А я его люблю! Он мой...

Я не стал просить Гулю помочь мне спустить к воде лодку: что я не мужик что ли, с плоскодонкой не справлюсь? Хотя попотеть, если честно, пришлось.

-Готово! Можем плыть, – я завершил все необходимые приготовления - принес из сарая весла, оранжевые спасательные жилеты и пластмассовый черпак, которым воду из лодки вычерпывают. Нет, лодка у нас хорошая, без пробоев, а черпак это так... на всякий случай, из предосторожности.

-Отдать швартовы!

Гуля забралась в лодку, и мы отчалили.

Смеркалось, небо быстро темнело, а опускающееся к горизонту солнце оставляло за собой тревожный желто-багровый след. Тихая река казалась черной и бездонной, отчего было немного страшно. Что говорить, плавать на остров в такое время суток мне еще не приходилось. Но внешне я бодрился, как мог, иначе Гуля совсем бы пала духом. Мне на нее и так было стыдно смотреть: уставшая, растерянная, сжавшись в комок, она тихонечко сидела на корме, даже ни разу не пошевелилась, пока мы плыли. Да, совершенно уставшая, растерянная и замерзшая. Хорошо еще, что я дал ей мамину кофту, теплую, длинную, с капюшоном.

-Видишь остров? – я повернул голову, чтобы убедиться: все ли на своих местах? – Ба! Так мы почти приплыли!

Еще несколько взмахов весел, и наше плавсредство мягко зашуршало днищем по песку.

-Ура! – я выпрыгнул на берег и, насколько сумел, вытащил лодку из воды. – Можно выходить, держи руку.

Мы приплыли вовремя. Солнце нижним краем своего диска уже коснулось черной, блестящей глади утекающей на запад реки. Еще немного...

Вдруг с берега раздались голоса. Знакомые и незнакомые. Я узнал маму. «Рома! - прокричала она. - Ты меня слышишь?! Ромик, возвращайтесь обратно!..» А кто-то незнакомый густым басом звал Гулю: «Гуля! Гуленька!..» Герасимов?

Они нас видели. Нас было прекрасно видно на фоне заходящего солнца. Где-то вдалеке затарахтел лодочный мотор. Наверное, папа нашел какого-нибудь рыбака на катере.

-За нами, - невесело сказал я.

-Ой, гляди! – воскликнула Гуля, запрокинув к небу голову. Там, в сторону заката летели две серебристых чайки. Одна большая, другая чуть меньше. – Ромка, это тот чаёнок! Он нашел себе товарища! Вместе они долетят до моря!

-Должны! Гуля, ты знаешь, о чем я подумал? Если наша планета все время вращается, то каждое мгновение где-то на Земле наступает рассвет. Рассвет forever! Вот и сейчас, мы с тобой смотрим, как солнце опускается за горизонт, а другие люди видят, как оно восходит.

-Давай помашем им!

-Давай!

И вскинув вверх руки, мы замахали вслед уходящему солнцу:

-Привет, люди! Удачи вам! Счастья!